Переводы

Рене Рохас
Колледж Хобарта и Уильяма Смита, США

Приливы и отливы в движении латиноамериканских левых

Розовый прилив рассматривался многими как одно из самых перспективных течений в глобальном левом движении за последнее десятилетие, однако сегодня оно идет на спад. Чтобы понять причину его упадка, в настоящем эссе рассматриваются подъем и успехи этого течения в сравнении с подъемом классического левого движения в регионе, возникшее по следам Кубинской революции. И если свершения классического левого течения были обусловлены структурным влиянием промышленных рабочих, то Розовый прилив основывался на неформальных рабочих движениях и неустойчивых сообществах. Розовый прилив отстраивался от социальной структуры, которая трансформировалась в результате двадцати лет деиндустриализации и промышленной фрагментации. И это имело два существенно важных последствия: во-первых, новоизбранные правительства получили гораздо меньше рычагов управления правящими классами, чем прежние, а во-вторых, они склонялись к клиентилизму, командно-приказной модели правления, что, как оказалось, ограничивало их возможности. В конечном итоге, Розовый прилив был уничтожен собственными же силами, в то время как классическое левое движение потерпело поражение от элит, которых оно пыталось сместить.

Rojas R., Hobart and William Smith Colleges, USA
The Latin American Left's Shifting Tides

Viewed by many as the most promising development for the global left in decades, the Pink Tide is in retreat. To understand its decline, this essay compares its rise and achievements to the rise of the region's classical left, which emerged following the Cuban Revolution. Whereas the classical left's accomplishments

Рене Рохас — преподаватель социологии и политологии в колледжах Хобарта и Уильяма Смита. Его исследования посвящены неолиберальной политике в Латинской Америке, где он много лет занимался активисткой деятельностью.
René Rojas — teaches sociology and political science at Hobart and William Smith Colleges. His research is on neoliberal development and politics in Latin America, where he spent years as an activist.
Перевод с англ. Е. Напреенко под ред. И. Напреенко выполнен по: Rojas R. (2018) The Latin American Left's Shifting Tides. *Catalyst,* 2(2) (https://catalyst-journal.com/vol2/no2/the-latin-american-lefts-shifting-tides). Публикуется с разрешения автора.

were rooted in the structural leverage of industrial labor, the Pink Tide has been based on movements of informal workers and precarious communities. The Pink Tide built its base from a social structure that had been transformed by two decades of deindustrialization and industrial fragmentation. This had two critical implications — it gave newly elected governments far less leverage against ruling classes than the earlier left, and it also inclined them toward a top-down, clientelistic governance model, which turned out to be self-limiting. In the end, Pink Tide regimes were undone by their own constituents, whereas the classical left was toppled by the elites that it attempted to dislodge.

doi: 10.22394/2074-0492-2018-4-147-206

Розовый прилив рассматривался многими как одно из самых перспективных течений в глобальном левом движении за последнее десятилетие, однако сегодня оно идет на спад. Чтобы понять причину его упадка, в настоящем эссе рассматриваются подъем и успехи этого течения в сравнении с подъемом классического левого движения в регионе, возникшего по следам Кубинской революции. И если свершения классического левого течения были обусловлены структурным влиянием промышленных рабочих, то Розовый прилив основывался на неформальных рабочих движениях и неустойчивых сообществах.

Розовый прилив отстраивался от социальной структуры, которая трансформировалась в результате 20 лет деиндустриализации и промышленной фрагментации. Это имело два принципиально важных последствия: во-первых, новоизбранные правительства получили гораздо меньше рычагов управления правящими классами, чем прежние, а во-вторых, они склонялись к клиентелизму, командно-приказной модели правления, что, как оказалось, ограничивало их возможности. В конечном итоге левый «прилив» был уничтожен собственными же силами, в то время как классическое левое движение потерпело поражение от элит, которых оно пыталось сместить.

Начало нового тысячелетия в Латинской Америке отмечено волной народных волнений, в результате к власти пришло несколько левых правительств. Этот феномен получил название Розовый прилив, и, хотя политику этих правительств нельзя назвать в полной мере «красной», они получили горячую поддержку радикалов, среди которых были в том числе и наши ведущие мыслители. Ноам Хомский, например, хвалил достижения новых реформаторов в области демократии, роста независимости и общественного благосостояния[1]. Способность этих стран сглаживать худшие проявления

1 См. также восторженные похвалы Тарика Али Розовому приливу в [Ali, Barsamian, 2006].

неолиберализма, поддерживать общественный сектор экономики и сопротивляться давлению США создают долгожданный контраст с предшествующими «потерянными десятилетиями» рыночного фундаментализма и социальной изоляции. В мировом контексте Розовый прилив резко отличается от масштабных неолиберальных тенденций капитализма и удручающих последствий Арабской весны на Ближнем Востоке.

Тем не менее Розовый прилив спадает и в отличие от настоящих приливов, регулярно сменяющих отливы, спад левого движения в латиноамериканском регионе означает долгосрочное отступление реформаторских правительств. В 1999 году к власти пришел Уго Чавес, маргинальный популист-националист, затем, в 2002 году, на пост президента Бразилии был избран Лула, исторический лидер Рабочей партии. В 2003-м главой Аргентины стал Нестор Киршнер, спустя полтора года Боливию возглавил Эво Моралес, а еще через полтора главой Эквадора стал Рафаэль Корреа. Их правление, как и правление тех, кто сменил их на посту, было ярким. Однако с 2015 года в результате ряда существенных потерь удача стала отворачиваться от левых. Выборы 2015 года положили конец реформе перонистов. За ними последовал «конституционный переворот» в Бразилии, который лишил власти Дилму Руссеф. В Эквадоре рушится коалиция Рафаэля Корреа, так как его кандидат-реформатор едва обеспечил себе победу. И хотя Моралес по-прежнему крепко держится у власти, когда Николас Мадуро оставит Венесуэлу, прихватив с собой все, что осталось от достижений боливарианской революции, цикл закончится[1].

Как оценивать Розовый прилив? Каковы истинные показатели достижений и неудач? Что подорвало перспективы его развития и обратило подъем вспять? Примечательно, что и друзья, и враги говорят об ошибках политиков и их партий, которых можно было избежать. Правые зарубежные аналитики делят латиноамериканских реформаторов на хороших и плохих, утверждая (и это не удивляет), что неудачи Розового прилива проистекают из его главного греха — популизма. Это объясняют тем, что натуральная рента

1 Как и в случае со всеми стилизованными периодизациями, здесь будут исключения, которые, однако, не менее важны в силу своей обособленности. Сокрушительная победа национал-популиста Андреса Мануэля Лопеса Обрадора в Мексике приобретает особое значение, если бывший политик из Институционно-революционной партии и Партии демократической революции сумеет принять настоящую реформаторскую программу, несмотря на свое сомнительное прошлое. Есть и многообещающие радикальные левые движения, например Широкий фронт в Чили, который должен консолидироваться, прежде чем претендовать на власть.

обеспечила массовую лояльность, но она же разрушила стабильные республиканские институты, необратимо поляризовала политическое и гражданское общество и привела к неизбежной финансовой катастрофе. Левые же, прежде всего радикалы, упрекают лидеров Розового прилива не столько за демагогию, сколько за покорность правящей элите и соглашательство с ней. В то же время местные аналитики критикуют реформаторов за то, что они делают недостаточно. И действительно, даже «неправильные» с точки зрения консерваторов стратегии лидеров Розового прилива привели к тому, что они оказались зажаты в рамках, установленных бизнес-элитой, которая стремится восстановить неолиберальную легитимность [Webber. Carr, 2012].

Критика с разных сторон имеет на удивление много общего. И левые, и правые говорят о волюнтаризме правительств Розового прилива. И те, и другие концентрируют внимание на решениях реформаторов, седлая любимого конька революционных социалистов, изрядно загнанного любителями утверждать, что революционные возможности обыкновенно теряются без «правильного» лидерства[1].

Вместе с тем такие критики игнорируют или замалчивают структуру возможностей, в которой работают реформаторские силы. Такой подход к тактике чиновников и активистов предлагает в лучшем случае неполный анализ. Сколько бы мы не симпатизировали программам реформаторов, нам нужно понимать, как обстоятельства правления ограничивали их выбор. Оценивать деятельность современных латиноамериканских левых требуется в контексте структурных условий современности.

Структурный подход, корректирующий волюнтаристскую оценку Розового прилива, требует от нас сместить фокус внимания с *воли* реформаторов на их *способность* проводить в жизнь перемены. В конце концов как мы можем вдумчиво оценить *волеизъявление* левых правительств, направленное на смещение правящих элит, если прежде не определим границы достижимого? Интернациональному левому движению, то есть сторонникам и критикам Розового прилива, необходимо провести оценку возможностей с тем, чтобы взвешенно отнестись к достижениям и неудачам «левого поворота» в Латинской Америке начала XXI века.

Более того, если рассмотреть Розовый прилив в нужном контексте, новые популистские течения, наметившиеся в настоящий момент в регионе, смогут извлечь важный урок. Без понимания структурных условий невозможно разработать стратегию для устранения ошибок левого подъема, который казался столь перспективным. Для

1 См., например, эссе в сборнике [Barker, 2008].

этого в настоящей работе мы предлагаем сравнительный анализ Розового прилива с классическим послевоенным левым движением в регионе.

Что произошло и что могло бы произойти

Воодушевление и надежды, вызванные к жизни Розовым приливом, прямо пропорциональны глубокому пессимизму, поглотившему радикалов и социалистов за 20 лет поражения и бездействия. Масштабность левого отступления заглушила память о головокружительных достижениях популистских движений прежней поры. Между тем в конце 1950-х новая волна радикальных движений, рабочих выступлений и партий позволила левым прийти к власти или добиться серьезных уступок со стороны правящего класса. Во многих отношениях именно это радикальное левое движение внесло социализм в региональную повестку дня, реализовав его в форме демократически спланированного экономического развития и также в форме реального популистского правления. Знакомство с тем, что лежало в основе успеха левых до наступления неолиберальной эпохи, позволит нам лучше понять, каким образом изменившийся контекст в начале 2000-х ограничил Розовый прилив и способствовал его упадку.

Классическое левое движение в Латинской Америке

Предыдущий подъем радикального движения в Латинской Америке пришелся на десятилетие с середины 1960-х по середину 1970-х.[1] Для этого левого цикла характерна милитантность рабочих и других массовых слоев городского населения, а подлинной точкой отсчета для него стала Кубинская революция 1959 года, тогда как финальным аккордом — подавление крестьянских восстаний в Центральной Америке. Хотя классическое левое движение Латинской Америки не повторяло характерной динамики и особенностей Кубинской революции, именно победа кубинских революционеров дала дорогу новому радикальному движению.

Во-первых, это движение перестало ориентироваться на Народный фронт коммунистических партий, находившихся под влиянием Москвы, и тем самым получило возможность заручиться поддержкой капиталистов, нацеленных на модернизацию. Главной характерной чертой нового левого движения стал решительный

1 Интересное обсуждение «циклов борьбы» левых см. в 1 главе [Sader, 2011]. Также см.: http://www.historicalmaterialism.org/reading-guides/marxism-latin-america-jeffery-r-webber

отказ как от ставки на рабочую организацию, подчиненную правящему классу, так и от требований перейти на «буржуазно-демократическую» стадию развития общества. Вместо этого движение начало милитантную классовую борьбу с целью решительно влиять на правящий класс, а не подчиняться ему.

Ориентируясь на радикальные меры, реализованные кубинцами, новое поколение левых приняло программу по расширению и углублению структурных трансформаций, развернутых буржуазными модернизаторами. Такая программа предусматривала масштабную земельную реформу, полную национализацию ключевых сфер производства и масштабную декоммодификацию в сфере социального обеспечения. Кроме того, классические левые предлагали провести глубокую демократизацию политики и экономики.

Конечно, столь радикальная повестка порой вызывала трения между лидерами милитантных движений и их представителями в правительстве, что можно увидеть на примере дебатов, которые привели к краху правительства «Народного единства» Сальвадора Альенде в Чили. Тем не менее классические левые признавали, что государственная власть является рычагом влияния, который позволял претворять в жизнь их политику преобразований. В послевоенный период эта повестка распространялась посредством двух различных феноменов: через рабочие выступления в растущем производственном секторе Южной Америки и, спустя десятилетие, через крестьянские восстания в сельскохозяйственных районах Центральной Америки.

Впервые левые ярко заявили о себе во время выступлений рабочих в Южном конусе. И хотя рабочие социалистические партии пришли к власти в Чили с избранием Альенде президентом в 1970 году, рабочее движении и раньше существенно влияло на государственную политику страны. В Бразилии на фоне растущего крестьянского движения за землю рабочие профсоюзы, взяв на себя инициативу, смогли разрубить корпоративистские путы Нового государства (Estado Novo) и заставить правительство Гуларта в 1960-х провести реформы в своих интересах. В то же время активисты рабочего движения Аргентины становились все сильнее и в союзе с радикально настроенными перонистами возглавили сопротивление, которое не раз вынуждало правительство военных сдать власть. Аналогичное давление вынудило националистическое правительство военных в Перу двигаться в прогрессивном направлении. В итоге к началу 70-х годов экономики большинства стран Латинской Америки столкнулись с масштабным рабочим движением и вынуждены были пойти на значительные институциональные и социальные реформы.

Когда рабочее движение Южной Америки было вынуждено отступить, радикальные настроения в регионе не выветрились. Хотя го-

родские рабочие движения в самых индустриально развитых странах оказались взяты под контроль, волна восстаний обрушилась на Центральную Америку подобно землетрясению. Когда массовые крестьянские движения с требованиями демократии и базовых социальных прав натолкнулись на сопротивление олигархов-землевладельцев, в организованных сельских общинах возникли народные армии, а восстание охватило Никарагуа, Сальвадор и в меньшей степени Гватемалу[1]. Вскоре, однако, революционный импульс был подавлен. Организованная США военная интервенция и жесткая блокада поставили на колени Сандинистскую революцию, а восстание в двух других странах пошло на спад по причине безвыходных ситуаций и затянувшихся переговоров.

Таким образом, левое движение Латинской Америки после Кубинской революции основывалось на мобилизации рабочего класса и других массовых социальных слоев. Оно стремилось отстранить от власти правящий класс и встать на путь социализма и радикальной демократии. Примечательно при этом, что за классическими левыми закрепилась репутация движения с узким классово-редукционистским подходом в своих требованиях и политических приоритетах. Несомненно, левые повысили материальный уровень и улучшили условия жизни низших слоев населения. Однако влияние классических левых далеко не ограничивалось улучшением экономических условий для рабочих масс.

Никакая другая политическая сила в регионе за всю историю не сделала столько для всесторонней демократизации политической и социальной жизни, как левые в послевоенный период. Классические левые не только подняли трудящиеся массы на столь высокий уровень, что с ними стали считаться на национальной политической арене, но и, благодаря всестороннему характеру своих реформистских программ, сделали очень многое для расового и гендерного равенства. В действительности демократизацией Латинской Америки мы обязаны поколению радикалов.

Розовый прилив

Упадок левого движения в Латинской Америке не мог длиться вечно. Оно вновь заявило о себе после ударов, нанесенных авторитарными режимами и согласованной с элитами демократизацией. На рубеже тысячелетий левые перешил от обороны к наступлению на неолиберальные режимы, которое в очередной раз пошатнуло власть правя-

1 По Никарагуа см. [Booth, 1985]; по Сальвадору — [Wood, 2003]; по Гватемале — [Jonas, 2018].

щих элит. Народные силы стали наращивать протестное движение, которое, начавшись с отдельных эпизодов, обратилось в организованное восстание. Новая мобилизация масс свидетельствовала о растущем народном сопротивлении рыночным реформам, и благодаря его силе правительства Розового прилива пришли к власти в Венесуэле, Аргентине, Боливии и Эквадоре. Здесь их усилия в социальной сфере были направлены на устранение самых тяжелых последствий 20-летней экономической либерализации.

У Розового прилива можно выделить две основные черты. Во-первых, он опирался на массовую мобилизацию населения, которая стала заметна во второй половине 1990-х. Структурные изменения и меры жесткой экономии выталкивали все больше людей в неофициальную экономику; рабочие потеряли своих представителей в укрепившихся партиях. В ответ на рост нестабильности, материальной уязвимости, на самоустранение партий, некогда представлявших интересы масс перед государством, «выключенные» слои населения начали протест, который приобретал все более милитантный характер. Протест нарастал волнами по мере того, как традиционные политические институты теряли способность защищать массовые интересы, а уровень жизни падал. Эти отличительные черты (рост мобилизации на фоне политической дезинтеграции) сыграли ключевую роль для успеха Розового прилива. Поэтому данный сравнительный анализ касается случаев, где указанные черты проявились наиболее ярко, то есть главным образом Венесуэлы, Аргентины и Боливии[1].

В большинстве случаев протестная волна росла пропорционально ослаблению неолиберального статус-кво. Уго Чавес, проигравший на выборах в 1992-м, взял реванш у традиционных партий на волне народного недовольства в 1998-м, став президентом в Венесуэле. За несколько лет удалось подавить контрреволюционные силы, и чавистская прогрессивная программа получила дополнительное развитие. В Аргентине локальные протесты нетрудоустроенных рабочих усилились в конце 1990-х, и с наступлением экономического коллапса восставшие осадили столицу. В ситуации, когда властям перекрыли кислород, в магазинах и на улицах царил хаос, народную поддержку получил перонизм нового образца во главе с Не-

1 Строго говоря, Бразилия не относится к странам Розового прилива. Там, как и в Чили — стране, которая может служить ярким примером рыночной ортодоксии, Партия трудящихся и ее лидер Лула не смогли ни попасть во власть, ни консолидироватьсяза счет протестного подъема или разложения традиционных партий. То же можно сказать и о возвращении к власти сандинистов и электоральных успехах Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти в Сальвадоре.

стором Киршнером, который опирался на милитантное движение пикетеро *(piquetero).*

В Боливии традиционная партийная система строилась вокруг партии «Националистическое революционное движение», которое пришло к власти в результате событий 1952 года. С ростом мобилизации народных организаций эта система начала распадаться. Относительно новая левая партия «Движение к социализму» во главе с Эво Моралесом возглавила протестное движение, которое становилось все мощнее с каждым этап мобилизации. Движение против либерализации, куда входили самые разные группы населения, — индейские общины, мелкие плантаторы, сообщества соседей, — фактически вылилось в восстания в 2003-м и 2005 году, сместив два правительства подряд, в результате Моралес был избран президентом.

Вторая отличительная черта Розового прилива заключалась в том, что новые правительства взяли на себя обязательство повысить благосостояние участников мобилизации, которые привели их к власти. Программу реформаторов этого движения в данной области лучше всего описывает понятие «второй инкорпорации» Сильвы и Росси[1]. Комплекс многообразных мер дал обнищавшим трудящимся слоям населения немедленное и значительное облегчение. Реформаторы не только повысили заработную плату за счет повышения минимальной ставки и применения иных механизмов воздействия, но и смогли справиться с самыми тяжелыми последствиями неолиберализма, направив средства на реализацию социальных программ. Они субсидировали сферу базовых услуг, таких как транспорт и жилищно-коммунальное хозяйство, направили огромные средства на выплату пособий наиболее уязвимым группам: безработным, малообеспеченным, матерям без официальной занятости.

Некоторые правительства Розового прилива пошли еще дальше. Лула прославился выплатами по борьбе с бедностью (fome cero, «ноль голода»), Киршнеры в Аргентине восстановили в производственном секторе практику заключения коллективных договоров, что обеспечило рост зарплаты широких масс трудящихся и гаран-

1 [Silva, Rossi, 2018] — это издание в новой редакции является самым полным отчетом о том, какую роль сыграли партии, профсоюзы и движения в реформировании латиноамериканской политики и государств по результатам антинеолиберальных выступлений. Другие монографии Сильва и Росси также обязательны к прочтению всем, кто хочет понять природу Розового прилива в историческом аспекте [Silva, 2009; Rossi, 2017]. В дальнейшем я часто буду ссылаться на работы этих авторов, хотя я не разделяю их взгляды на то, как далеко зашла «вторая инкорпорация», и то, что лежит в основе ее ограничений.

тировало выплаты матерям школьников. С самыми амбициозными реформами выступило боливарианское правительство. Уго Чавес, который к тому времени направил больше ресурсов на развитие жилищного сектора и местной инфраструктуры, чем любой его соратник по движению, создал *misiones* — децентрализованные программы, которые обеспечили венесуэльцев бесплатным медицинским обслуживанием, образованием и другими благами.

Согласно Сильве и Росси, социальные программы Розового прилива вдохнули жизнь в политическую культуру, которая деградировала за десятилетия неолиберализма [Silva, Rossi, 2018, p. 8]. Зачастую это происходило через включение в обновленные и реструктурированные партии новых субалтерных групп. В Аргентине киршнеристы заключили альянс с безработными пикитеро и сумели договориться с промышленными профсоюзами страны. В Националистическое революционное движение Боливии влились обитатели лачуг, незарегистрированные шахтеры и крестьяне, а также общинные организации. И снова Боливарианская революция пошла дальше и глубже: после попытки установить институциональную связь с милитантными группировками она сделала ставку на создание местных советов, которые должны были выступать «интерфейсом» организованных общин жителей трущоб и государственных институтов. Таким образом, реформаторы Розового прилива создали ряд новых политических институтов для реализации народных интересов, что способствовало реальному росту их политического веса.

Отступление Розового прилива

Розовый прилив принес безусловно прогрессивные результаты. Как мы показали, одним из его главных столпов являлось значительное увеличение расходов на социальные программы. Особенно заметны в этом отношении Венесуэла и Эквадор, где Чавес и Корреа незамедлительно приняли меры, чтобы направить национальные доходы в сферу социального обеспечения. Неоперонисты, остановив урезание доходов населения, за пять лет повысили расходы на социальное обеспечение с 7% (в разгар кризиса) до почти 10% ВВП[1]. С тех пор в социальные программы периодически делались ощутимые вливания, поэтому на момент ухода Кристины Фернандес с президентского поста в Аргентине уровень расходов на социальную сферу был одним из самых высоких в регионе, уступая в этом отношении лишь Чили.

1 Данные о социальных расходах Аргентины включают только расходы федерального уровня.

К моменту консолидации боливарианского режима в 2006 году расходы на социальную сферу достигали одной восьмой ВВП на фоне бума в нефтедобывающем секторе. Правительству Националистического революционного движения в Боливии потребовалось несколько больше времени, чтобы исправить социальную ситуацию в стране, однако к 2009 Моралес смог вывести социальные расходы на прежний уровень. Затем в результате народных выступлений его правительство вновь повысило социальные расходы до одной восьмой ВВП (рис. 1).

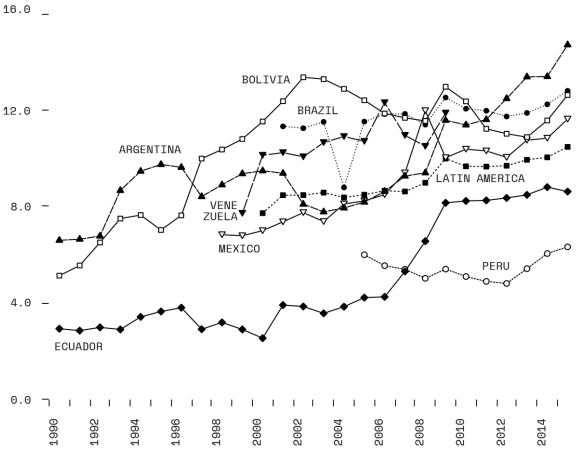

Рис. 1. Государственные социальные расходы, % ВВП.
Источник: построено по данным AMECO.
Fig. 1. Public social expenditure as % of GDP.
Source: Constructed from AMECO data.

Увеличение расходов на социальную сферу оказало значительное воздействие на бедность и неравенство в регионе. За счет увеличенных выплат самым уязвимым слоям населения социальные программы существенно снизили уровень бедности. В период неолиберального правления в большинстве латиноамериканских стран положение живущих за чертой бедности практически не менялось по меньшей мере к лучшему, но странам Розового прилива за десятилетие удалось существенно сократить долю тех, кто вынужден выживать на три или меньше доллара в день. Самые существенные улучшения оказались прямым следствием того, что реформаторы ориентировались на социальную сферу — это особенно заметно на примере Эквадора и Аргентины. Достижения Венесуэлы носили менее регулярный характер.

В 2002–2003 году после некоторого успеха уровень бедности снова подскочил: причиной стала блокада местной нефти, подготовленная отстраненной от власти реваншистски настроенной элитой.

Ответные меры принесли более ощутимый результат: как только мобилизовавшиеся массы преодолели нефтяную блокаду и отбили атаку на правительство Чавеса, боливарианский режим консолидировался и принял всесторонние программы, о которых говорилось выше. В результате они добились таких беспрецедентных результатов в борьбе с бедностью, что даже Всемирный банк вынужден был нехотя признать их эффективность (рис. 2).

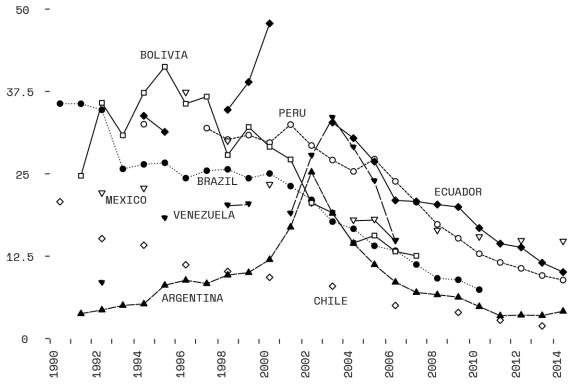

Рис. 2. Население с доходом 3 и менее долларов в день. Источник: построено по данным AMECO.
Fig. 2. Population living on $3 or less per day. Source: Constructed from AMECO data.

То, чего Аргентина добивалась свыше 12 лет — снижение уровня бедности на 20% — боливарианцы, невзирая на постоянное контрреволюционное сопротивление, осуществили за четыре года! К сожалению, нынешний экономический коллапс в Венесуэле свел достижения на нет. И все же политика перераспределения ресурсов в пользу социальной сферы, которую левые сделали приоритетом, существенно уменьшила неравенство. Согласно коэффициенту Джини, страны Розового прилива во главе с Венесуэлой и Аргентиной стали лидерами по равенству в регионе[1]. Даже Боливия, которая в 2000 году занимала одну строчку в списке стран с самым высоким показателем неравенства, снизила соответствующий коэффициент с 0,6 до 0,47 за пятилетнее правление Моралеса, чего удавалось добиться лишь немногим.

Однако, несмотря на все достижения, Розовый прилив переживает спад. Если классические левые были разбиты собственными

1 Обсуждение региональных показателей неравенства (начиная с 2000 года) см. в моей недавней статье [Rojas, 2017]. Как в ней, так и в этой части текста я использую данные ECLAC.

правящими классами, то их преемники проигрывают на выборах, лишившись поддержки большинства своих сторонников. За исключением Моралеса и Националистического революционного движения в Боливии, все остальные правительства Розового прилива потерпели электоральное поражение. Неоперонист Даниэль Сиоли проиграл кандидату от неолибералов, модернизированному центристу правого крыла, в ноябре 2015 года. Сиоли едва набрал голоса своей партии, а Макри, победитель, получил на 4 млн голосов больше, чем набрала оппозиция в 2011 году. Очевидно, правым удалось привлечь голоса «естественного» электората реформаторов.

В Эквадоре коалиция Рафаэля Корреа выиграла на прошлогодних выборах с минимальным перевесом, а после необратимо распалась. Самый печальный результат — поражение чавизма. Хотя последователь Чавеса, Мадуро, выиграл выборы и вышел на второй срок, невозможно не заметить, что боливарианский режим переживает стадию глубокого кризиса. Доведенная до отчаяния инфляцией, дефицитом, голодом и коррупцией городская беднота Венесуэлы, которая ранее не раз мобилизовалась на защиту Чавеса, теперь вновь отброшенная в нищету, потерпела поражение. Все чаще правительству приходится ограничивать участие и переписывать правила, чтобы оставаться у власти.

В 2015 году оппозиция одержала сокрушительную победу на парламентских выборах. В этом году официальная Социалистическая партия Венесуэлы, переписав конституцию Чавеса, обставила расколовшуюся оппозицию. Выборы, возможно, и были честными, а подсчет голосов точным, однако явка оказалась чудовищно низкой. Мадуро получил на 2 млн голосов меньше, чем Чавес в 2012 году, а это говорит о том, что призыв оппозиции бойкотировать выборы был услышан разочаровавшимися и потерявшими надежду боливарианцами. Возможно, другим правительствам и удалось избежать венесуэльской катастрофы, но они определенно продолжают терять прежних сторонников.

Что важнее всего, Розовый прилив растратил свой трансформационный потенциал. Цель расширения социальных программ не была достигнута из-за непреодолимости строгих налогово-бюджетных барьеров. Реформаторские правительства, ограниченные теми же источниками дохода, что их неолиберальные предшественники и соперники по региону, не смогли поддерживать рост благосостояния граждан. В Аргентине, например, где в последние годы заметно росли социальные расходы, проигрывающий кандидат-киршнерист принадлежит к консервативному крылу неопероницма и во время кампании признал неизбежность сокращений затрат на социальную сферу.

Главная причина неспособности Розового прилива придерживаться реформаторского курса объясняется тем, что они упрямо полагались на доходы, которые поступали в бюджет от продажи сырья (рис. 3 и 4). Как и их неолиберальные предшественники, левые правительства оставались зависимы от экспорта природных ресурсов, а потому были заложниками мировых колебаний цен на сырье. Когда мировые цены на сырье скакнули после «дешевых» 1990-х, Венесуэла стала еще более зависима от нефти. К 2013 году до четырех пятых экспортного дохода приносило сырье, на момент прихода Чавеса к власти этот показатель составлял только 50% [Rojas, 2017, p. 74]. Когда Киршнеры победили на выборах, в Аргентине только начинался затяжной рост цен на сою и ее производные. Политики воспользовались им: если эта продукция до прихода к власти Нестора приносила менее четверти бюджетных дохода, то к концу президентства его дочери Кристины этот показатель почти дошел до 40%.

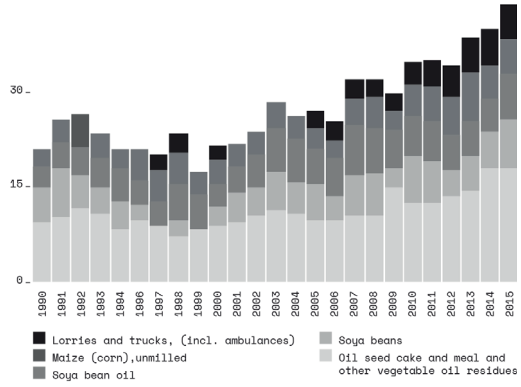

Рис. 3. Ведущие экспортные продукты Аргентины (% от общего объема). Источник: Экономическая комиссия ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейну, статистика и показатели (CEPALSTAT).
Fig. 3. Leading Argentine exports (% of total). Source: Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC) Statistics and Indicators (CEPALSTAT).

В результате резкого падения мировых цен на сырье неизбежно сократился объем услуг и товаров, получаемых городской беднотой. Единственное, о чем думали в тот момент находившиеся у власти левые, как побольше выжать из существующих в стране производственных и коммерческих мощностей, а не о том, чтобы развивать новые, альтернативные и более надежные средства для поддержки своих сторонников. Говоря словами одного сторонника чавизма, «правительство обязано совершить экономическую революцию, чтобы у нас опять была еда!» [Casey, Neuman, 2018]. Таким образом, бедный городской электорат отказался поддерживать Розовый

прилив за его неспособность преодолеть барьеры неолиберальной экономики. Но если классические левые были повержены элитами за то, что пошли слишком далеко, то правительства Розового прилива наказаны теми, кто привел их к власти, за то, что пошли недостаточно далеко.

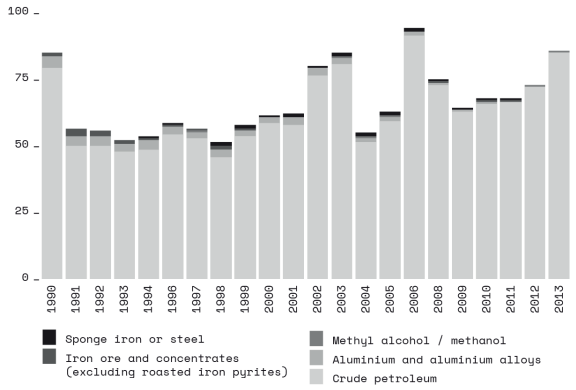

Рис. 4. Ведущие экспортные продукты Венесуэлы (% от общего объема). Источник: Экономическая комиссия ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейну, статистика и показатели (CEPALSTAT).
Fig. 4. Leading Venezuelan exports (% of total). Source: Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC) Statistics and Indicators (CEPALSTAT).

Чем объясняется неспособность преодолеть унаследованные от прежнего режима экономические модели и социальную политику и найти устойчивые и более качественные модели социального обеспечения? Почему Розовой прилив оказался не способен расширить демократическое участие и выйти за пределы иерархически организованного неокорпоративизма, который воспроизводит подчиняющие формы клиентелы? Иными словами, что помешало Розовому приливу завершить начатые реформы и перейти к экономической революции, которой требовали их сторонники? Одно из объяснений, по мнению радикальных критиков, — ограниченность возможностей режимов в силу их зависимости от интересов элит. Но такое объяснение не учитывает сложную динамику действующих сил. Политики Розового прилива прекрасно понимали, что находятся у власти благодаря активной народной поддержке. Они понимали, что их политическое выживание зависит в первую очередь от удовлетворения интересов сторонников. И вот ключевой вопрос: если они прежде всего имели обязательства перед городской беднотой, то почему не решились на более глубокие экономические преобразования, которые бы позволили им порвать с моделью клиентелы в социальной политике и ступить на путь устойчивой соци-

альной и политической интеграции, на путь правления без участия элит?

Правительства Розового прилива не смогли провести полную реструктуризацию не по причине обязательств перед бизнес-элитами. Скорее, им не удалось углубить реформы, которые позволили бы им оставаться у власти, потому что понимали, что не могут ступить на более сложный путь — и оказались правы в оценке своих сил. Не имея сил развивать реформаторский курс, они были вынуждены сделать выбор в пользу быстрых в реализации мер, приносящих скорый результат, и не начинать столкновение с местными правящими классами. Они предпочли выиграть выборы с помощью ресурсов, доступных при сохранении экономического статус-кво. Такой подход решительно отличается от стратегических дилемм классических левых. Как правило, они находились в условиях, когда у власти стояли враждебные политические элиты, но все же боролись против них и вынуждали правительства, действуя извне и снизу, немедленно приступить к коренным преобразованиям. Классические левые бескомпромиссно продавливали радикальные меры, даже если для этого приходилось отказаться от участия в реформаторских правительствах, ориентированных на элиту, и в конечном итоге от самой демократии. Уникальный случай Чили, где рабочий класс привел свои партии к власти, также связан с тактикой беспощадного давления, которое вызвало глубокие преобразования еще до избрания Альенде. Главное отличие состоит в том, что левые у власти делают все возможное для получения голосов, а прежние левые использовали все доступные рычаги давления не ради чиновничьего кресла, а ради мощных трансформаций.

Возможности различных левых течений

Главный фактор, отличающий Розовый прилив от классических латиноамериканских левых, не только в их радикальной воле. Агрессивное продавливание реформ с их стороны обусловлено, как мы уже говорили, их *способностью* идти на радикальные шаги. Особая уверенность в своих способностях в свою очередь коренилась *в больших трансформационных возможностях*. Чтобы понять это различие, необходимо задать концептуальные рамки, которые позволят вскрыть механизм субалтерного политического давления. Существуют две оси, вокруг которых выстраивается сила трудящихся групп, — *мобилизационные ресурсы* и *структурные рычаги давления*.

К мобилизационным ресурсам относятся социальные связи, организации и институции, которые помогают трудящимся объединиться для коллективных действий. Способность массовых слоев населения к мобилизации строится на общих ресурсах, которые

поддерживают организационные связи, культуры и инфраструктуру. Это позволяет людям труда преодолеть разобщенность и издержки, которые часто тормозят коллективные действия. Разобщенные рабочие и беднота могут иметь самые разные потребности первой необходимости, что часто служит препятствием для выработки единой политической программы.

Кроме того, столкновение с силами правящей элиты обходится им очень дорого. Без объединяющей силы надежной и внутренне активной организации им было бы трудно поддерживать солидарность и подготовиться к коллективным действиям. Иными словами, мобилизационные ресурсы дают рабочим и другим бедным слоям населения возможность создавать и сохранять организации, необходимые для конфронтации с правящим классом.

Самый очевидный пример такого ресурса — профсоюзы. Профсоюзы — классический инструмент, с помощью которого рабочие развивают солидарность и сокращают расходы на проведение политических акций. Но есть и другие примеры, не связанные с трудовой занятостью. Хрестоматийный пример — роль североамериканской Черной церкви в движении за гражданские права чернокожих. В числе других примеров можно назвать гражданские ассоциации, политические партии, соседские объединения и т.д., которые стягивают ресурсы, помогают выработать общую идентичность, наладить доверительные связи и скоординировать действия отдельных участников.

Структурная власть, напротив, проистекает из рычагов давления, которыми могут обладать простые люди благодаря своему положению в институциях, представляющих ценность для элит. В отличие от мобилизационных ресурсов, которые необходимо *создавать*, структурные рычаги давления *«встроены»* в позицию, занимаемую низшими слоями населения в экономике. Ключ к ним — это сам факт того, что правящие классы зависят от труда людей как источника своего богатства и дохода. Когда рабочие и крестьяне прекращают свой труд, это становится непомерным бременем для экономической элиты; так работает рычаг, который вынуждает центры власти идти на уступки. Простой отказ от участия в рутинной деятельности угрожает подорвать власть правящего класса. Чем больше рабочих и бедных слоев населения вовлечено в институции, имеющие значение для правящего класса, тем выше потенциал их структурных рычагов.

Организационная сила и структурные рычаги различны, но взаимосвязаны. Возможна ситуация, когда группам удается создать большое устойчивое движение, лишенное структурной экономической составляющей. Распространена и обратная ситуация, когда заняты позиции в ключевом сектор экономики, но нет способ-

ности создать организацию, которая позволила бы воспользоваться своим положением. Если сравнить возможности классических левых и левых Розового прилива по этим двум аспектам, становится легче объяснить их успехи и промахи. Я выдвигаю два тезиса. Во-первых, достижения классических левых коренились в мощных структурных рычагах давления. Повышенная структурная сила в свою очередь вдохновляла рабочих и бедные слои населения на создание эффективной организации и укрепляла уверенность в себе, что необходимо для требований радикальных реформ.

Розовый прилив, напротив, поднялся за счет относительно внезапного и мощного роста мобилизационных возможностей при слабой структурной власти. И хотя мобилизация оперативно созданных объединений обеспечила проведение быстрых реформ, они исчерпали свой потенциал в отсутствии эффективных структурных рычагов давления. То, что произошло, объясняется двумя парадоксальными маршрутами развития.

Возможности классических левых в Латинской Америке «отстраивались» от стратегий развития и получения прибыли, которые применяла враждебная к левым экономическая и политическая элита. Экономическая модернизация, продвигаемая деловыми и правящими кругами, позволила рабочему классу занять экономические области, которые имели важнейшее значение для целей элиты. Рабочие движения, профсоюзы и организации их сторонников использовали свои рычаги давления, чтобы требовать структурных трансформаций. Брошенный ими вызов был столь грозен, что элиты приняли решение совместно подавить его полностью. Опыт Розового прилива принципиально иной. Десять или более лет сопротивления неолиберальному режиму настолько стимулировала рост объединяющего потенциала субалтернов, что они смогли подняться на невиданный уровень. Вооруженная обновленными организационными ресурсами городская беднота восстала, свергла правительства и поставила на их место дружественных левых. Оказавшись у власти, левые в конце концов были парализованы, поскольку государственные элиты продолжали придерживаться рамок неолиберальной модели. Народные массы давили как могли, но бо́льшего их мобилизация достичь не могла.

Исчерпав свой взрывной потенциал, субалтерны Розового прилива столкнулись с тем, что у них нет рычагов давления, необходимых для движения вперед. В отсутствие союзников со структурным потенциалом, которые могли бы одолеть бизнес-элиты, левые правительства бросили все усилия на поддержку своих сторонников посредством неокорпоративистских социальных вливаний. При этом они избегали прямой конфронтации с ведущими секторами экономики, доходы которых сами же перераспределяли. Как ни па-

радоксально, но по существу именно обязательства Розового прилива перед своим электоратом из городской бедноты препятствовали проведению более жестких реформ. Стесненность розовых правительств, таким образом, вовсе не связана со стремлением защитить интересы сырьевой бизнес-элиты или реставрировать неолиберальный режим. Их нерешительность есть, скорее, симптом реализации наименее затратной стратегии удовлетворения интересов своих сторонников и обеспечения своего переизбрания, невзирая на существующие структурные ограничения.

И здесь следует упомянуть еще один важный фактор, который объясняет провал Розового прилива. Уменьшение полезной отдачи от силы народной мобилизации создало негативную динамику, которая подорвала организационные ресурсы субалтернов. Поскольку городской бедноте было все сложнее поддерживать объединяющий потенциал, а правительство Розового прилива нуждалось в некоторой организованности сторонников, обе стороны пришли к своего рода соглашению: государство меняло политические ресурсы и социальные выплаты на организованную поддержку со стороны ядерного электората. Такое соглашение повышало градус участия городской бедноты в политической жизни, но вместе с тем закрепляло модель клиентелы.

В результате зависимость бедного населения от государственной поддержки выросла, что способствовало дальнейшему снижению способности народных организаций подталкивать правительства Розового прилив к глубоким преобразованиям. Этот противопоставление — опекающая политика и клиентела, с одной стороны, мобилизация с опорой на структурные рычаги, с другой — и разделяет судьбы двух левых движений Латинской Америки.

Классические латиноамериканские левые

Как ни странно, взлет классического левого движения в Латинской Америке стал возможен благодаря проектам модернизации, инициированным элитами. Впервые со времен мексиканской революции народные массы региона стали представлять серьезную угрозу для правящего класса. В основе движения стояли организованный рабочий класс, сформировавшийся в наиболее экономически развитых странах региона в ходе роста промышленного производства после Великой депрессии, а также крестьянские повстанцы, которые взялись за оружие в ответ на капиталистические преобразования в сельскохозяйственном секторе. Эти левые течения показали эффективность благодаря поддержке и координации сочувствующих студентов и профессиональных революционеров низшего звена, опоре на радикальные сегменты профсоюзов, восставшие сельские

общины и ассоциации крестьянского пролетариата.

Импортозамещающая индустриализация и аграрная модернизация

Реакция элиты на проблемы и на новые возможности мировой экономики преследовала собственные интересы, но в то же время способствовала наращиванию возможностей народных масс вести борьбу. Усилия элит по модернизации экономик за счет индустриализации или продвижения агропромышленного экспорта обеспечили условия для формирования рабочего класса и выступлений крестьян. Без этих усилий структурная и организационная опора классических левых никогда не обрела бы ту мощь, которой впоследствии обладала.

Процесс был запущен Великой депрессией. В крупных экономиках, главным образом в Южной Америке, правящий класс ответил на сокращение торговли и неразбериху военных лет принятием модели развития, ориентированной на внутренний рынок, которая получила название «импортозамещающей индустриализации». Правящие классы этих стран видели, что глобальный кризис бьет по стратегиям извлечения прибыли за счет традиционной торговли сырьем. Ограничения торговли на традиционных рынках, сокращение доходов от экспорта привели к финансовому коллапсу и резко подорвали способность импортировать готовую продукцию. Потеря возможности ввозить продукцию извне убедило страны в необходимости развивать местную промышленность. Государство поощряло инвестиции местного бизнеса в местные же производства, которые в начале XX века развивались достаточно медленно. Новая экономическая стратегия имела еще одно преимущество — она повышала переговорный вес политических элит в глобальной системе государств, так как экономика их стран росла, а производственная база расширялась.

В Центральной Америке экономические трансформации фактически шли по противоположной логике. Пока государственные топ-менеджеры меняли индустриальные структуры в более крупных экономиках региона, на Панамском перешейке рынок переформатировал аграрный сектор. После войны элиты более отсталых стран Центральной Америки стали диверсифицировать аграрное производство, чтобы воспользоваться преимуществами растущего глобального рынка на волне экономического бума. Государство участвовало в процессе, но играло куда меньшую роль в расширении и диверсификации сельского хозяйства сектора. Он развивался благодаря возможностям, которые видели аграрные олигархи в расширении рынка таких традиционных товаров, как кофе, а также

новых товаров, требовавших большей обработки, например, сахара и хлопка.

Основные черты преобразований промышленности, проводимых элитами

Инициативы элит не только изменили базовые структуры общества латиноамериканского мира, но и создавали новую расстановку классовых сил, которые сыграли ключевую роль в формировании и подъеме левого движения. Стоит отметить три черты импортозамещающей индустриализации, которые задали горизонт возможностей рабочего класса. Во-первых, это базовая реальность индустрии, противопоставленная традиционному товарному производству. Перенаправление ресурсов в производственную сферу привело к тому, что тысячи рабочих с базовыми навыками оказались вовлечены в сложные производственные процессы. Во-вторых, импортозамещение означало реализацию плановых мер по переходу от производств низкого уровня, текстильной и пищевой промышленности, к созданию интегрированных промышленных комплексов, которые объединили бы производство базовых продуктов, таких как сталь, с обрабатывающими производствами, которые дают на выходе готовую продукцию, обладающую большей добавленной стоимостью.

Главная цель этой вертикальной интеграции — развитие отраслей по производству товаров промышленного назначения с целью усиления местного промышленного комплекса и избавления экономики от зависимости от импорта оборудования. Попытка занять более высокое место в неофициальной промышленной иерархии привела к тому, что более квалифицированные рабочие оказались заняты в более специфических и технологически продвинутых областях.

И, в-третьих, стратегии индустриализации, проводимые элитами, придавали особую значимость «командным высотам» экономики, т.е. ключевым направлениям, которые считались незаменимыми для реализации всей программы и имели статус «священных коров». Речь о финансовой системе, коммунальных услугах, внешней торговле, транспорте и тяжелой промышленности — государство подходило к ним с особой заботой, предоставляя особые льготы. Гарантированные и постоянно растущие инвестиции в стратегически важные сферы не только обеспечили их надежной защитой, но и обеспечили большой приток рабочей силы. Все три перечисленных фактора действовали на фоне снижения реальной безработицы, поскольку индустриальная экспансия вовлекла сотни

тысяч трудящихся с недостаточной занятостью в «традиционные» секторы экономики.

Индустриализация и трансформация экономики

Трансформация общества в странах Латинской Америки носила глубокий и драматический характер. В более развитых странах по мере реализации плановых проектов простые производства росли и превращались в более сложные интегрированные промышленные комплексы. В период расцвета импортозамещающей индустриализации доля промышленного производства в крупных экономиках достигла почти трети ВВП. Для сравнения в США пик промышленного производства пришелся на послевоенный бум середины 1950-х, когда оно составляло 35% ВВП. Даже в странах, где экономическая инфраструктура ориентировалась на производство натуральных продуктов, промышленное производство развивалось взрывным образом.

Движущей силой преобразований был массированный приток инвестиций в машиностроение и технологии. В Аргентине, например, инвестиции бизнеса в промышленное производство утроились — с 2% ВВП в начале 1940-х годов до 6% на начало 1960-х. Через десять лет рост только набрал обороты [Hofman, 1999, p. 192-193]. В Чили политика импортозамещающей индустриализации началась позже и с меньшим размахом. В 1940-е и до начала 1950-х, вопреки планам увеличить домашнее промышленное производство, инвестиции в промышленный сектор не росли, однако за десятилетие, которое закончилось победой христианских демократов на выборах 1964 года, государственная поддержка отрасли стала заметной. Ежегодные инвестиции в машиностроение в среднем составляли 7,5% ВВП. Инвестиции бизнеса оставались на том же уровне и в годы правления Фрея, агрессивного модернизатора от буржуазии, и даже в течение первых двух лет правления социалиста Альенде. Бразилия — самый яркий пример перенаправления инвестиций в промышленный сектор экономики, где ежегодные инвестиции в капитальное производство удвоились в период с 1950 по 1964 год, когда ушел в отставку реформатор Жуан Гуларт, а за последующие пятнадцать лет выросли в четыре раза!

Постоянные инвестиции в промышленность преобразовали экономики латиноамериканских стран. Страны Южного конуса, как и Мексика, стали обществами с преимущественно городским населением, занятым в промышленном секторе. Так, например, Бразилия, где в 1950 году кофе все еще оставался главным экспортируемым товаром, создала самый мощный индустриальный сектор в регионе — за два десятилетия промышленное производство вы-

росло с 17 до 22% ВВП на пике трудовой мобилизации, вплоть до военной интервенции 1964 года. В Чили промышленный сектор за 20 лет увеличился вдвое и на момент военного переворота 1972 года составлял почти четверть ВВП. Самый сильный промышленный бум пережила Аргентина. В начале 1960-х тамошнее промышленное производство составляло 28% ВВП, а к концу второго витка индустриализации в середине 1970-х — свыше трети.

Такие отраслевые подвижки привели к тектоническому перераспределению национальных трудовых ресурсов, которые до недавнего времени были представлены преимущественно сельским населением. К 1970 году в Аргентине, Уругвае, Чили и Венесуэле в сельском хозяйстве было занято менее четверти трудовых ресурсов. Даже в Перу и Бразилии, где долгое время преобладало сельскохозяйственное производство в форме крестьянских хозяйств и плантаций, число трудящихся в аграрном секторе сократилось до менее чем половины.

Результаты впечатляли. По всему региону развитие промышленного сектора способствовало общему подъему экономики, в некоторых случаях темпы роста были самыми высокими в мире. Так, например, бразильская экономика, главной статьей экспорта которого в 1950 году являлся кофе, через 20 лет поставляла на мировой рынок грузовики и химическую продукцию. В этот период средний годовой рост составлял 7,5%, с середины 1960-х — свыше 10% ежегодно. В те же 1960-е рост мексиканской экономики в среднем составлял 7% в год. Даже Аргентина, где индустриализация то начиналась, то прекращалась, за период с начала 1950-х до середины 1970-х практически удвоила совокупный национальный продукт. Также и в Чили ВВП в 1972 году был на три пятых выше, чем на момент консолидации мер импортозамещающей индустриализации в середине 1950-х. Иными словами, промышленное развитие было не только неслыханно прибыльным для региональных бизнес-элит, но и служило надежной формулой стабильности и успеха на выборах в случае, если политические издержки удавалось удерживать в разумных пределах.

Индустриализация и формирование рабочего класса

Новые стратегии накопления сделали региональные элиты сказочно богатыми. Они открывали новые возможности в новых, жизненно важных областях, которые пользовались гарантированной поддержкой государства. Также они высвободили крайне опасные силы, которые представляли для элит опасность.

Главной среди них был рабочий класс, который обрушился на истеблишмент со всей новоприобретенной мощью. Безусловно, некоторых уступок нельзя было избежать, поскольку весь период импор-

тозамещающей индустриализации в регионе отмечен признаками демократизации. Но какую бы власть не передавали простым гражданам, ее многократно усиливал тот факт, что рабочие оказались на структурных позициях, из которых они могли легко саботировать реализацию интересов элиты. Зарождавшийся рабочий класс воспользовался своим стратегическим положениям, чтобы создать мощные трудовые организации. Затем он мобилизовал организационный ресурс, чтобы оказывать давление на элиты и выдвигать все более радикальные требования.

Мощный рост сопровождался притоком рабочей силы в город. В годы импортозамещающей индустриализации прирост рабочих мест равнялся приросту населения. Даже в условиях демографического взрыва и неистощимого, казалось бы, притока внутренних мигрантов из сельской местности растущая промышленность не успевала достаточно быстро вбирать прибывающие трудовые потоки. С 1950 по 1973 годы даже при сохранении среднего числа рабочих часов на душу населения общее число отработанных часов стремительно росло. Бразилии в 1960 году требовалось на 37,5% больше трудочасов, чем в 1950-м, а десятилетие спустя этот показатель вырос еще на 29%[1]. За двадцать лет потребность аргентинской промышленности в человеческом труде выросла почти на треть. Общее количество трудочасов в Мексике выросло на 50%. В Чили общее число трудовых часов в промышленном секторе за период с 1960 по 1970 год выросло на четверть [Hofman 1999, p. 59]. При этом повсеместно производительность рабочих выросла многократно. В Аргентине и Чили она удвоилась в период с 1950-х по середины 1970-х, а в Бразилии и Мексике почти утроилась.

В условиях растущей потребности в трудовых ресурсах и тесного трудового рынка на фоне роста экономики и производительности труда массы оказались сконцентрированы в прибыльном промышленном производстве. За годы реализации программы импортозамещающей индустриализации доля рабочего населения достигла невиданного (и более не превзойденного) уровня. В Бразилии доля промышленных рабочих выросла с одной десятой до одной седьмой части экономически активного населения[2]. В Чили доля рабочих выросла с 15% до почти четверти в 1973 году. В Аргентине доля занятых в промышленном секторе слегка упала по сравнению с пиком

1 Хофман утверждает, что с 1950 по 1973 год количество трудовых ресурсов обеспечивало приблизительно на 40% больше вклада в производство, чем их качество, квалификация работников [Hofman, 1999, p. 123].

2 Этот раздел опирается на данные из базы Мэддисонского проекта «Историческое развитие»: https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018.

1960-х, но в 1975 году все еще составляла почти четверть всего трудящегося населения. Трудясь на тех самых производствах, что играли ключевую роль в успехе стратегий государства и бизнес-элит, рабочие осознали, что выступают незаменимым элементом в экономическом процветании элит.

Рабочее движение понимало, что если они перестанут сотрудничать с власть имущими, удерживая свой ресурс — способность и желание работать, или будут этим угрожать, то реализация стратегий будет приостановлена или даже случится коллапс. Столь мощный рычаг давления становился еще эффективнее с подключением других важных отраслей — транспорта и строительства. С учетом рабочих этих областей, которые создавали и связывали между собой промышленные комплексы растущей стратегической значимости, доля рабочего класса, обладающего структурными рычагами давления, к 1970-м годам в Бразилии выросла до одной четвертой, до трети с лишним — в Чили и приблизительно до двух пятых — в Аргентине. Когда каждый четвертый или каждый третий рабочий понимает, что принципиально важен для получения прибыли работодателя, классовая уверенность безмерно растет.

По мере индустриализации росла численность профсоюзов. Выгодная позиция рабочих и уверенность в себе, которая из нее проистекала, способствовали усилению организации рабочего движения. Когда рабочие осознали свою позиционную мощь, они стали строить более сильные организации. Конечно, порой их поддерживали мощные институты, как, например, в Аргентине и в меньшей степени в Бразилии. Но не понимая своего потенциала, рабочие, возможно, не решились бы инвестировать в профсоюзы и тем более начать активно действовать. Сама реальность в большей степени, чем поддержка государства или партизан, стояла за усилением профсоюзного движения, особенно в стратегически важных отраслях. В Бразилии, где рабочее движение было самым слабым, в профсоюзы вступила одна пятая всех рабочих: за период с 1965 по 1975 год число участников профсоюзных организаций выросло вдвое — с 1,6 до 3,2 млн. В Чили численность профсоюзов увеличилась за десять лет втрое, что привело к свержению Альенде; к 1973 году членами профсоюзов были полмиллиона рабочих. Самая мощная организация рабочего движения сложилась в Аргентине. Здесь государство поощряло профсоюзное движение, и к концу второго срока Перона число участников профсоюзов среди рабочих достигло немыслимых 50%!

Региональные рабочие движения, занимавшие стратегически выгодную структурную позицию, а теперь еще и хорошо организованные, не колеблясь, использовали свой мобилизационной потенциал. В Бразилии наиболее милитантные подразделения, главным

образом из сталелитейной отрасли, подняли волну забастовок, которая в конце концов стала причиной военного переворота 1964 года. В 1958 году состоялась всего 31 крупная забастовка; но после того как вице-президент Гуларт стал президентом, рабочие усилили давление. К 1963 году, когда Генеральное командование рабочих (Всеобщая конфедерация труда, CGT) возглавило «забастовку 700 тысяч», произошло 172 крупных случая остановки производств, которые парализовали главные промышленные центры и стали предупреждением для элиты [Roxborough, 1994, p. 351].

Самые мощные волны промышленных восстаний потревожили экономический и политический порядок в Чили и Аргентине. В Чили несогласные уже были обычным явлением в начале 1960-х, когда рабочие организовывали в среднем 250 забастовок в год[1]. Но агрессивное проведение индустриализации в правление Фрея буквально взорвало движение рабочего сопротивления. В период с 1964 по 1969 год правительство Фрея переживало порядка 1000 забастовок в год. Даже когда в 1970 году к власти пришли коммунисты и социалисты, главная трудовая федерация во главе с означенными партиями не могла сдержать неумолимую волну забастовок. В первый год правления Альенде произошло 1800 забастовок, а двумя годами позже — 3300.

Похожая история произошла и в Аргентине. Промышленное неповиновение, которое свергло антиперонистскую военную хунту, не стихло, когда любимый каудильо рабочих с триумфом вернулся к власти в 1973 году. На деле Перон был встречен эскалацией забастовочного движения, так как рабочие рассчитывали на поощрительные уступки [Torre, 2004]. Постоянные массовые забастовки потрясали страну: их число с 550 в 1974 году выросло до 1250 в 1975-м. Движение угрожало не только производству и прибыли, но и частной собственности, самому основанию буржуазного правления; оно, действуя поверх голов своих официальных представителей, настаивало на расширении экспроприации и углублении политических преобразований.

Кумулятивный эффект новообретенного радикализма рабочего движения спровоцировал яростный отпор региональных правящих классов. В более индустриальных странах государство стремилось подорвать основания силы рабочего класса, даже если для этого приходилось жертвовать моделью развития, в которую они так амбициозно инвестировали. Каждый переворот в регионе — в 1964 году в Бразилии, в 1966-м и 1976-м в Аргентине, в 1973-м в Чили, в 1975-м в Перу — ставил целью перестроить экономику таким образом, что-

1 Данные по забастовкам в этом и последующих разделах, если не оговорено иначе, взяты из [Usmani, 2018].

бы реставрировать непререкаемую власть буржуазии[1]. Военный переворот Пиночета против Альенде безжалостно разрушил трудовые организации и разогнал левые партии, без колебаний уничтожая физически самых ярых борцов. Фактически в одну ночь был уничтожен самый передовой рабочий класс региона и, подобно выжившим после стихийного бедствия, из руин поднялись лишь разрозненные и подавленные его члены. В Аргентине, как в Бразилии и Перу, напротив, корпоратизм столь укоренился, а профсоюзы так глубоко встроились в государство, что попытка военных разорвать связи, объединяющие рабочих, провалилась, даже когда дело доходило — как в Аргентине — практически до убийства.

Уточняя, можно сказать, что чилийские левые не смогли оправиться из-за экономических трансформаций, вызванных цепочкой кризисов, уничтоживших за короткий период и целые производственные отрасли. В Аргентине выживание стратегических секторов импортозамещающей индустриализации обеспечило сохранение влияния рабочего движения вплоть до начала 1980-х. Как и в Бразилии, здесь эффективная мобилизация сыграла решающую роль в восстановлении демократии до того, как генералы успевали «реорганизовать» общество. Товарищи Лулы инициировали вторую волну рабочих протестов, в результате которой число забастовок с 1979-го ежегодно почти удваивалось, достигнув пика в 1500 остановок производства в 1986 году и стоив работодателям 50 млн дней потерянной работы. В этой кузне был выкован «новый юнионизм», который дал жизнь Партии трудящихся Бразилии[2]. Схожим образом крепкие промышленные профсоюзы Аргентины возглавили волны забастовок, которые к 1981 году приобрели наступательный характер и лишили генералов власти [Munck, 2010].

1 Важно отметить, что повышение зарплаты, инфляция и финансовый кризис не были главными заботами авторитарных правительств. Они являлись симптомами более глубоких проблем, которые требовали решения. Первые заявления правительств всех стран ссылались на угрозу рыночному порядку и брали на себя обязательства по устранению возможности рабочего класса оказывать влияние на экономику в целом. Вот, что имели в виду военные хунты, когда клялись восстановить капиталистический порядок по западному цивилизационному образцу.

2 Волна забастовок была вызван удивительно мощным выступлением рабочих сталелитейной промышленности в 1978 году. В следующем году их примеру последовали полмиллиона рабочих, бастовавших против репрессий генерала; см. [Collier, 1999]. Усиление забастовочного движения и новый юнионизм в Бразилии свидетельствовали о том, что трудовые ресурсы способны гальванизировать и повести за собой растущий протест народных масс против диктатуры.

Однако упадок рабочего движения и вместе с тем потеря влияния классическими левыми случились тогда, когда рыночные реформы привели к экономической реструктуризации, которая произошла впервые в Чили. Элиты начали отход от девелопментализма, понимая, что постоянная неустойчивость есть неотъемлемая черта импортозамещающей индустриализации. По мере того как экономики открывались конкуренции и лишались протекционизма, промышленная система, которую выстраивала импортозамещающая индустриализация, постепенно деградировала.. Заменив одну модель развития на другую, элиты разрушили основание власти левых сил.

Аграрный путь левого радикализма

Закат левого движения в Южном конусе не означал конец радикализма в Латинской Америке вообще. Когда рабочие движения и партии потерпели поражение в промышленных регионах Латинской Америки, в трех странах Центральной Америки — Никарагуа, Сальвадоре и Гватемале — на авансцену выдвинулся новый левый фронт. Эти движения, которые изначально вели вооруженную борьбу, а не следовали методам рабочего сопротивления, возникли и окрепли как прямое следствие модернизации сельского хозяйства.

Крестьянские волнения также являются важным измерением южноамериканских левых стратегией. Изменения, вызванные в сельской жизни индустриализацией, активизировали работников села, которые внесли свою лепту в радикальное движение. В Перу, например, работники конкурирующих плантаций, работающих на экспорт, стали левыми милитантами [Paige, 1975]. В Чили земельная реформа, передача в собственность арендованной земли изменили структуру социальных отношений в деревне. Бывшие арендаторы и безземельные крестьяне стали мощной силой, повлиявшей на решение самых спорных политических вопросов того времени [Loveman, 1976]. Однако крестьянский радикализм в Центральной Америке заслуживает отдельного внимания, потому что капиталистические преобразования в сельском хозяйстве региона заложили основу уникального пути к массовым выступлениям.

Главный результат крестьянских выступлений заключался в проведении реальных демократических реформ и полном уничтожение репрессивной трудовой системы, на которую опирались сельскохозяйственные олигархи [Paige, 1998]. Сандинисты подняли всеобщее восстание и свергли режим Сомосы в 1979 году. В соседнем Сальвадоре Фронт национального освобождения дважды пытался повторить успех соседей. Дважды им это почти удалось. Сначала в 1979 году, а затем в решительном наступлении 1981 года, когда им

удалось занять значительную часть столицы, но всякий раз их останавливали и каждый раз останавливал военный олигархический режим. Гватемальские партизаны создали менее эффективную военную машину, и к началу 1980-х она была фактически подавлена, но даже в неравной схватке они сопротивлялись геноцидальной реакции режима и смогли добиться патовой ситуации. Сальвадорское восстание лучше всего иллюстрирует, чего добились левые: массовое вооруженное выступление сельского пролетариата столь дорого обошлось традиционной аграрной олигархии, что они отказались от своих базовых интересов. Сделав нежизнеспособными экстраэкономические формы трудовой эксплуатации, восстание вынудило правящий класс переключиться на торговлю и промышленность [Wood, 2000]. Отход от принудительного контроля труда в силу его неприбыльности сделало возможным делиберативный демократический переход. Успех аграрного радикализма в Центральной Америке объяснялся сочетанием массовой организации и структурных рычагов давления, которое во многом не похоже на классическую модель сопротивления в Южной Америке.

Сельскохозяйственные преобразования

Два взаимосвязанных феномена объединяют аграрную модернизацию в Центральной Америке с подъемом милитантности крестьян.

Во-первых, экспансия усилила давление на общины, жившие натуральным хозяйством: они либо лишались имущества, либо вытеснялись на окраины. Выселение крестьян усилилось с появлением новых товаров, помимо кофе. К ним относятся хлопок, сахар и скот, спрос на которые объясняется экономическим бумом в послевоенном развитом мире. Во-вторых, сельскохозяйственный фронтир сместился, втянув сотни тысяч людей в качестве рабочей силы. И хотя спрос на трудовые ресурсы на кофейных плантациях оставался выше, чем где-либо еще, он носил сезонный характер и приходился главным образом на сбор урожая с октября по январь. Рост экспорта нетрадиционных сельхозтоваров привлекал трудовые ресурсы на более стабильную, круглогодичную работу по производству более технологичных продуктов и их производных. Диверсификация, таким образом, способствовала созданию новых трудовых рынков с более продвинутыми системами обработки, которые требовали постоянной рабочей силы.

По мере отказа крестьян от натуральных и мелких хозяйств возникали новые отрасли производства базовых продуктов питания, особенно в Сальвадоре. Давление на крестьянские сообщества в сочетании с ускоренной пролетаризацией сыграло ключевую роль в подъеме крестьянских движений. Усиление антагонистических

конфликтов между экспортерами и работниками, землевладельческой элитой и крестьянскими сообществами способствовало организации массовых слоев в энергичные объединения. Они влились в вооруженные движения, которые подняли сезонных работников в наступление на агроэкспортную экономику.

Послевоенный бум дал толчок развитию системы коммерческих плантаций, изменив ее конфигурацию. В период с 1950 по 1975 год объем экспорта кофе из Центральной Америки утроился и достиг 10 млн квинталов. Четыре пятых прироста пришлись на Сальвадор, Гватемалу и Никарагуа [Williams, 1994]. Второй кофейный бум подтолкнул плантаторов к наращиванию производства после 1960 года: в Сальвадоре к 1980 году производства выросло на 50%, а в Гватемале и Никарагуа прирост оказался еще больше [Sollbrig, 2006, p. 506]. Попутно спрос США на другие сельскохозяйственные товары обещал плантаторам новые возможности для прибыли. Производство хлопка для текстильной промышленности в период с 1950-х до 1980 года выросло в четыре раза — с 500 тыс. до 1,75 млн тюков прессованного хлопка [Williams, 1985, p. 15].

Для выращивания этой культуры требовалась лучшая земля, прибрежные равнины, и новые плантации поглотили традиционные поместья и фермы, на которых раньше растили продовольственные культуры: в Сальвадоре площадь земли, занятая хлопком, увеличилась в 2,5 раза, до 130 000 га к концу 1960-х, а в Никарагуа — втрое, до 363 000 га. Самое большое увеличение земель под хлопок произошло в Гватемале, где площадь плантаций росла по экспоненте с 5000 до 225 000 га. Похожая ситуация сложилась в сфере производства сахара [Paige, 1998, p. 91]. И наконец, выстрелило животноводство: эта статья экспорта из Центральной Америки выросла с 10 до 300 млн долларов на конец 1970-х. Большая часть прироста предназначалась для ненасытного рынка США. Для обслуживания растущего агробизнеса в регионе требовалась новая инфраструктура. Мощные инвестиции позволили построить новые шоссе и железные дороги, порты, дамбы и электростанции, удовлетворявшие энергетические потребности хозяйств.

Впечатляющий рост агробизнеса вызвал одновременно два конфликта между землевладельцами и массовыми слоями населения, которые сделали возможной мощную партизанскую войну, охватившую Центральную Америку. Он поставил аграрную бизнес-элиту против сельских общин, их все дальше теснили на окраины или вовсе выгоняли с земли. Востребованные продукты, вроде хлопка, распространились по всему тихоокеанскому плодородному поясу, отнимая у местных общин все, что им до сих пор удавалось удерживать. Пастбища для скота вышли за пределы качественной орошаемой земли и сместили аграрный фронтир, захватив пограничные

горные и лесные районы. Таким образом, вытеснение крестьян шло двумя путями: либо крестьяне были бывшими арендаторами, которых выселяли с плантаций, когда землевладельцы решали заняться выгодными сельхозкультурами, или же земледельческие элиты, пользуясь государственным или парагосударственным принуждением, выбрасывали недавно созданные общины с нерегулярно используемых земель.

Экспансия экспортного сельского хозяйства, в особенности хлопка и рогатого скота, довела земельный конфликт до точки кипения в конце 1970-х. На примере Сальвадора видно, сколько жестким и масштабным было вытеснение крестьян: по оценкам исследователей, число безземельных крестьян в период с 1971 по 1980 год выросло в два с лишним раз, с недопустимых 29 до немыслимых 65% [Williams, 1985, p. 170]. Тем, кому удалось отстоять свою землю, было немногим легче: в 1975 году 34% крестьян имели менее гектара, а 15% обрабатывали от 1 до 2 га [Dunkerley, 1990, p. 272]. Сильнее всего пострадали районы на севере и северо-востоке, которые были отданы под мясное животноводство, после того как США предоставили Сальвадору квоту на импорт и одобрили строительство завода по упаковке мяса.

В Никарагуа и Гватемале экспансия больших хозяйств и выселение крестьянских общин, занимавших ранее небольшие участки земли, проходило по схожему сценарию. В Никарагуа мясное животноводство обширно распространилось в департаменте Матагальпа — в отдельных муниципалитетах пастбища занимали 95% всей разведанной земли. Бедные традиционные фермеры были оттеснены на восток к границе. Население коридора Матагальпа — Масайя оказывало большую поддержку сандинистам с середины и до конца 1970-х.

В Гватемале в 1960-е годы обедневшие крестьяне, населявшие горные районы, переселились на побережье в поисках лучшей земли. Практически тут же за землю с ними вступили в конкуренцию хлопковые бароны, которые стремительно захватывали прибрежные районы. Хлопковое производство быстро вытеснило крестьянские общины, заняв 70% прибрежной земли [Williams, 1985, p. 55]. Как и в Никарагуа, эти майянские сообщества, притесняемые со всех сторон, стали ядром вооруженного сопротивления. Схожая ситуация наблюдалась и в Сальвадоре: самые притесняемые провинции на северо-востоке страны стали главными оплотами Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти.

Одних земельных конфликтов было бы, вероятно, недостаточно, чтобы обеспечить столь мощный подъем вооруженного левого движения в Центральной Америке. Есть еще одно последствие экспортного агробизнеса, спровоцировавшее массовое восстанию

крестьян. Дело в том, что сахарные, хлопковые и мясные бароны, выселяя крестьян и захватывая их земли, вместе с тем привлекали на плантации все больше работников (особенно в сезон сбора урожая) с захваченных земель. Взлет спроса на рабочую силу обозначил второй фронт в борьбе с субалтерными сельскими общинами и модернизирущейся аграрной элитой.

Спрос на труд в сфере экспортного сельского хозяйства стимулировался захватом новых территорий повышением производительности. И если выпас скота не требовал больших трудовых ресурсов, то новые плантации в них крайне нуждались, особенно в пиковые периоды производственного цикла. На примере хлопковых хозяйств можно наблюдать, как стремительно растет сезонная занятость в Центральной Америке. До середины 1950-х в регионе требовалось менее 100 тыс. работников на период сбора урожая. Спустя десять лет число сборщиков перевалило за 350 тыс., а еще через десять на плантациях убирали урожай почти полмиллиона человек [Ibid., p. 62]. Кроме того, другие этапы переработки, такие как очистка хлопка от семян, его прессовка, рафинирование сахара и упаковка мяса, создавали десятки тысяч постоянных рабочих мест.

Эти рабочие места, так же как и места на скромных производствах, связанных с рыночным сельским хозяйством, доставались растущему числу крестьян, согнанных с земли и вынужденных переселяться в столицу и другие города. Самые прекарные из них, заселявшие разбухающие трущобы, также пополняли ряды сезонных рабочих. В Никарагуа, например, треть собирателей хлопка обитала на обширных урбанизированных территориях. Большая часть сбора урожая, однако, осуществлялась растущим сельским населением, теснившимся на скудных крестьянских наделах.

По всему региону те самые общины, которые притеснялись экспортным фермерством и животноводством, отправляли на заработки сотни тысяч мужчин, женщин и детей в месяцы сбора урожая. Чем больше земли отбирало у них сельское хозяйство, тем больше деревенские общины зависели от сезонного заработка. Он стал незаменим в условиях, когда выжить на сокращающиеся доходы от натурального хозяйства стало невозможным. Эти общины не только поставляли основную массу сборщиков урожая на прибрежные плантации; доля населения этих общин, ежегодно путешествующая на побережья, также росла.

На севере Сальвадора до 70% крестьянских сообществ на грани выживания ежегодно уходили на поиски заработка. В Гватемале в 1960-е лишь 10–15% сборщиков хлопка прибывали из столицы, в основном они стекались из периферийных гористых районов. К концу десятилетия более 75% сезонных мигрантов приходились

на две западные горные майянские провинции, а большая часть работающего населения департаментов Уэуэтенанго и Киче были сборщиками [Ibid., p. 64-65].

Аграрная модернизация и формирование классов

С сезонными трудовыми мигрантами на плантациях обращались очень жестко, что не удивляет. Невыносимые условия труда вызвали вооруженный протест пролетаризированных работников. С конца 1960-х работники плантаций по всему перешейку начали борьбу за улучшение условий и оплаты труда. Так как предоставление даже минимальных прав и гарантий подрывало механизм получения плантаторами прибыли, элиты ответили жестокими репрессиями. По всему региону в 70-х годах наблюдалась эскалация повстанческих действий работников плантаций, а также дальнейшее присвоение земель. Не добившись выполнения своих требований мирными путями, растущее крестьянское движение обратилось к вооруженный действиям, чтобы защитить себя и добиться базовых трудовых и гражданских прав.

Взаимное наложение земельных и трудовых конфликтов привели к подъему леворадикального движения в регионе. Массовые партизанские восстания в Гватемале, Никарагуа и Сальвадоре возникли из предпосылок, обратных предпосылкам волны рабочих выступлений в Южном конусе. И если в Южной Америке у рабочих были позиционные рычаги давления, которые поддерживали развитие организационного ресурса, то в Центральной Америке противостояние общинных объединений реваншистским элитам привело к массовому разрушению всей экономики; это разрушение осуществил новый вооруженный класс сельскохозяйственных рабочих. Примечательно, что крестьянам и аборигенам высокогорья практически не пришлось выбирать сторону — их борьба внутри своих общин и была восстанием.

Во всех трех странах кризис 1970-х вызвал мощные, но кратковременные эпизоды сопротивления рабочих пищевой промышленности. Поскольку экономика стран Центральной Америки зависела от агроэкспорта, забастовки работников кофейной, хлопко- и сахароперерабатывающей промышленности представляли особую угрозу. В Гватемале волнения сборщиков урожая начались в середине 1970-х. Кульминация их действий пришлась на февраль 1980 года: тогда работники сахарного производства объявили забастовку, быстро охватившую 70 крупнейших сахарных и хлопковых плантаций, где работали свыше 75 тыс. рабочих. Помимо новых организационных структур, созданных для координации восстания, сезонные рабочие получили активную поддержку со стороны Ко-

митета крестьянского единства (CUC), широкого фронта, созданного для борьбы за землю и защиты от притеснений землевладельцев, военных сил и военизированных формирований.

Забастовка имела столь разрушительные последствия, что государство вынуждено было пойти на уступки и повысить дневную оплату труда почти в три раза. Подобный протест рабочих случился и в Никарагуа. Сальвадор пережил самую сильную волну рабочих выступлений в агроэкспортном секторе. Здесь в середине 1970-х также произошла мощная мобилизация, в которой центральную роль играли студенты и государственные служащие. И вновь наиболее эффективными оказались действия сезонных рабочих плантаций. Крестьяне взяли на себя организационную инициативу и при поддержке теологов освобождения создали Христианскую федерацию крестьянских ассоциаций (FECCAS). Пользуясь ее прикрытием, работники кофейных плантаций подняли в 1977 году волну забастовок, которая продлилась несколько недель по всему побережью. Государство ответило репрессиями и силами полиции задавило протестующих.

Рабочие плантаций смогли провести эффективную мобилизацию в столь стесненных условиях благодаря организационным усилиям местных общин. Иными словами, борьбу уязвимых сезонных рабочих, которым дороже всех обходились требования к элитам, поддерживали ресурсы, подготовленные в их родных деревнях на основе традиционных структур, а также возникшие в результате кооперации против алчных землевладельцев. Такие федерации, как FECCAS and CUC, поддерживали и движение против захвата земель, и забастовки, что подтверждает взаимосвязанный характер земельных и трудовых конфликтов. Точнее говоря, их поддержка показывает, как крестьянские коммунитарные институты мобилизовали сельскохозяйственных рабочих, которые вступили в борьбу с элитами, исходя из своей позиции в экспортном сельском хозяйстве. Их милитантная борьба в свою очередь вызвала крестьянские восстания, участники которых с оружием в руках дестабилизировали экспортное производство и сопутствующие ему инфраструктуры.

Яркое сочетание объединяющих и структурных сил создали плацдарм для партизанских движений. На усиление репрессий против крестьянских организаций массы отвечали усилением координации действий и сплачивались в широкие революционные коалиции, такие как Национальный фронт за народное единство в Гватемале, Народный революционный блок и Единый народный фронт действия в Сальвадоре. Они в свою очередь формировали крепкие связи с новыми вооруженными формированиями. По мере того как государственный террор, принявший характер геноцида,

закрывал все возможности для открытой политической деятельности, народные коалиции и крестьянские общины пополняли ряды вооруженных повстанцев. К началу 1980-х массовое присоединение населения к партизанам привело к формированию радикальной силы, которая начала осуществлять иной тип системного давления на элиты.

Государственное насилие лишило людей возможности использовать рычаги давления на местах производства, поэтому организованные народные массы вернулись на окраины для консолидации движения. Отступление не помешало им вмешиваться в интересы элит. Хотя рабочие не могли использовать свое положение в производственной цепи, субалтерные группы полностью интегрировались в революционное движение и наносили серьезные удары элите, занятой экспортом. Находясь в безопасности на контролируемых партизанами территориях, они развязали кампанию саботажа на близлежащих плантациях и ранчо, а также на инфраструктурных объектах, обеспечивающих экспортную деятельность; шоссе, мосты, дамбы электростанций, линии электропередач, порты и т.д. — все это находилось под ударом. Беспокоясь о своих инвестициях, многие представители элиты, даже не пострадавшие напрямую, бросали собственность. В Сальвадоре, где повстанческое движение было особенно сильным, владениям экспортеров сельскохозяйственной продукции был нанесен серьезный урон [Wood, 2000]. Доля экспортной сельхозпродукции в ВВП сократился вдвое с 1975 по 1985 год и не восстановилась. Восстание изменило стратегии получения прибыли. Элиты перевели инвестиции в другие отрасли, которые не зависели от сверхдешевого принудительного труда. Как показывает Элизабет Вуд, наличие рычагов давления на экономические интересы элит и их реакция на это давление проторили путь к мирным переговорам и настоящим демократическим реформам [Wood, 2000, p. 54-67].

Синхронизация индустриальной и аграрной модернизации с проявлением структурной власти угнетенных классов в Латинской Америке служит подкреплением одного из главных тезисов «Коммунистического манифеста» о том, что можно назвать «революционным вызреванием». Маркс и Энгельс утверждают, что в ходе капиталистического развития старый порядок рушится, и внутри него вызревает класс, способный в свою очередь разрушить новый буржуазный порядок. Когда давление конкуренции подталкивает промышленников к концентрации производства, объединению рабочих масс под одной крышей, тогда же «пролетариат» организуется, превращаясь в класс «для себя», с общей повседневностью, общими врагами и бедами, — в класс, наделенный растущей и локализованной индустриальной армией, чей общественный вес

способен уничтожить систему. Задача радикалов — направить потенциал, дать ему прагматическое и стратегическое направление. По мере развития капиталистического производства рабочий класс набирает силу и организационную мощь, а горизонты возможностей левых расширяются. По сути, Маркс и Энгельс предсказали возникновение механизма самоусиления, который строится на положительной обратной связи между структурной властью, эффективной организацией и радикальной политикой.

Траектория развития классического левого движения в Латинской Америке во многом соответствует тезису «Коммунистического манифеста». Стремление капиталистов конкурировать на глобальном рынке обеспечило рост потенциала левых в регионе. Нет сомнений, что достижения левых значительно превзошли достижения эпохи до импортозамещающей индустриализации. Раньше мятежи субалтернов ограничивались анклавами производств натуральных продуктов, типичных для Латинской Америки. Кроме того, если смотреть в ретроспективе, классические левые, укоренные в индустриальном классе, значительно превзошли новое, возможно, ультралевое поколение несогласных в общем контексте мая 1968 года. Новые радикалы, вдохновленные духом гевористских идей, критиковали то, что считали консерватизмом традиционных левых и подталкивали маргинализированные слои населения создать условия для ускорения революционных перемен [Marchesi, 2017]. Революционное левое движение (MIR) в Чили, Монтонерос и Революционная партия народа в Аргентине и Тупамарос в Уругвае — звезды городской герильи — утверждали, что субалтерные группы, менее подверженные «замиряющему» влиянию традиционных партий и профсоюзов, лучше всех выражали новый «американистский» дух радикализма. Но история свидетельствуетэтот подъем был не только краткосрочным, но и неуспешным. Достижения левых — это не победы городской герильи и театрального геваризма, но результат усердной работы классических левых среди рабочих и сельских общин[1].

1 Иногда можно слышать утверждения, что молодые радикалы ускорили кончину классических левых, слишком сильно подтолкнув народное движение и тем самым спровоцировав ответный удар авторитарной системы. Это справедливо лишь отчасти. Те, кто обвиняет новых левых, последователей Че Гевары, стремившихся превратить регион в «один, два, три Вьетнама» в разжигании волнений, не учитывают радикализацию требований и тактик, имевшую место в рядах якобы «умеренных» классических левых. Сами молодые революционеры, в основном выходцы из среднего класса, исключенные из университетов, не смогли в полной мере ухватить эту важную тенденцию. Неоспоримый консерватизм прежней стратегии тра-

Классические левые добились далеко не только «хлеба с маслом». Поколение 1968 года рутинно упрекало предшественников за игнорирование различных видов неклассового угнетения. Примечательно, однако, что именно достижения классических левых по материальным вопросам открыли возможность вести борьбу за равенство полов, расовое равноправие и культурный прогресс. Без достижений в соцобеспечении и демократизации экономики и других сфер социальной жизни борьба за права женщин и коренного населения вообще бы не началась и не набрала обороты. Об этих прямых и косвенных достижениях необходимо помнить при сравнении классического левого движения и Розового прилива.

Подъем и ослабление левых Розового прилива

Формально говоря, Розовый прилив представлен левыми правительствами, которые пришли к власти в 2000-е. В него входили из новых и обновленные традиционные партии и коалиции. Они не были радикальными и тем более антикапиталистическими, но тем не менее стремились в значительной степени реформировать господствующую неолиберальную ортодоксию.

Возникновение Розового прилива следует понимать в контексте неолиберального поворота, пришедшего на смену импортозамещающей индустриализации. Если импортозамещающая индустриализация заложила основы для подъема классических левых, то ее закат, вызванный экономической либерализацией, заложил основу для появления современных левых. Помимо описанных выше политических проблем индустриализация, проводимая государством по централизованному плану, была подорвана рядом экономических ошибок. Сталкиваясь вновь и вновь с торговыми и финансовыми кризисами, государственные чиновники сосредоточились на политике рыночного реформирования, которая спровоцировала социальные и политические конфликты, обернувшиеся через пару десятков лет подъемом Розового прилива. Неолиберализм привел к беспрецедентному уровню социальной неустроенности и нестабильности. Массовая маргинализация и народное сопротивление подняли политическую волну, которая обеспечила левым победу на выборах. Вместе с тем неолиберальный поворот связал руки Розовому приливу, консолидировав социальную слабость, что

диционных левых и многих чиновников из коммунистов и профсоюзных лидеров, которые занимали высшие партийные должности, не позволили поколению 1968-го оценить радикализацию рядовых милитантов, которые сохраняли связи со старыми, консервативными партиями.

в конечном итоге помешало проведению более радикальных преобразований и лишила его лидеров дальнейших побед на выборах.

Ключевые неолиберальные преобразования

Вероятно, главная черта латиноамериканского поворота к неолиберализму — это открытие местной экономики глобальному рынку. Местное производство попало под пресс мировой конкуренции, под которым выжили лишь самые эффективные отрасли. Это привело не столько к общей деиндустриализации, сколько к высокой фрагментированности и несбалансированности производственного сектора. Некоторые отрасли, утратив защиту тарифных барьеров и кредитных льгот, просто перестали существовать. В иных случаях старые промышленные комплексы распались, а отдельные отрасли, повысившие производительность в эпоху импортозамещающей индустриализации, остались на плаву. По мере того как дробилась и приватизировалась государственная индустрия, инвесторы выбирали перспективные заводы, модернизировали их для обеспечения конкурентоспособности и даже расширяли. Оба явления — полное уничтожение некоторых отраслей и фрагментация индустриальных комплексов на отдельные предприятия — истощили силы рабочего класса.

Либерализация торговли, утрата государственной поддержки и приватизация сразу же привели к резкому росту уровня безработицы и частичной занятости. По мере того как предприятия закрывались или их работа «рационализировалась», сотни тысяч работников оставались без работы в одночасье. Статистика устрашает. Самые ощутимые сокращения наблюдались в Аргентине, которая раньше могла похвастаться практически стопроцентной занятостью населения. Согласно официальной статистике, безработица за первые пять лет в начале 1990-х выросла в два раза с 6 до 12%. К 2000 году она достигла 15%, а после финансового кризиса и девальвации — почти 20%. В Боливии с наступлением структурных изменений и либерализации безработица достигла 9% в 2001 году, по сравнению с 3% десятью годами ранее. В тот же период число безработных в Эквадоре выросло в два раза, достигнув к концу 1990-х 14%. И речь не идет об одномоментных кризисах. Средний уровень безработицы составил порядка 15% с середины 1990-х до середины нулевых в Аргентине и порядка 10% в Эквадоре.

Официальная статистика Венесуэлы также поражает. С начала рыночных реформ уровень безработицы ни разу не опускался ниже 7,5%, достигнув 15% к концу 1990-х. В среднем этот показатель на протяжении полутора десятка лет составлял 12%, вплоть до консолидации чавизма. С приходом к власти правительств Розового прилива

многим удалось снова найти работу. Но уровень безработицы говорит о глубине кризиса: в 2015 году в Аргентине, когда киршнеризм проиграл выборы, и до заключительной катастрофы в Венесуэле в обеих странах уровень безработицы составлял 8%. Еще хуже, что новую работу люди находили в основном в теневом секторе.

Повседневная жизнь рабочего класса была еще суровей, чем может показаться по приведенным цифрам. Огромная масса людей потеряла средства к существованию, но еще большая часть оказалась вынуждена искать их в теневом секторе экономики, который стремительно разрастался. В Аргентине свыше двух пятых трудоспособного населения работала неофициально в качестве неучтенных сотрудников в растущих как грибы микропредприятиях или неквалифицированных «фрилансеров» в мелких магазинах и предприятиях сферы услуг. За десять лет киршнеризма государству не удалось справиться с теневой занятостью, уровень которой составлял 37% в 2015 году, когда неоперонисты проиграли выборы. В Боливии накануне победы Моралеса в 2005 году 70% экономически активного населения трудились в теневом секторе. И здесь побороть этот феномен не удалось. В 2014 году (последний год, за который доступна статистика) почти три пятых трудоспособного населения все еще были заняты на неофициальных работах.

Реформы Корреа в Эквадоре вообще никак не повлияли на теневую экономику: неофициальная занятость и на момент его инаугурации, и на момент ухода с поста составляла 57%. Та же история повторяется в Венесуэле. После структурных изменений конца 1980-х теневая занятость выросла с одной трети до половины трудоспособного населения к моменту прихода Чавеса к власти. Показатель продолжал повышаться, когда элиты прикрыли нефтяную индустрию. После того как боливарианское правительство взяло нефтяную отрасль под свой контроль, реформами удалось несколько сократить теневой сектор, но незначительно, с максимальных 58 до чуть менее 50% к 2014 году. В целом подавляющее большинство трудящихся в странах Розового прилива с проведением рыночных реформ оказалось на нерегулируемых и ненадежных работах; и почти половина всех трудовых сил по-прежнему на них остается.

Устойчивая безработица и растущая зависимость от теневого сектора экономики разрушили рычаги влияния рабочего класса. В условиях конкуренции за официальные стабильные рабочие места, число которых постоянно уменьшались, большинству трудящихся оставалось довольствоваться неофициальным и нестабильным заработком. В сложившейся ситуации они не могли воспользоваться своей позицией в цепи производства, чтобы изменить ситуацию. Избыток квалифицированных сотрудников не позволял требовать улучшения условий труда даже в процветающих секто-

рах промышленности. Иначе говоря, возможность коллективного выступления против новых жестких условий исчезла, когда призывы к солидарности и общие организационные усилия ничем не увенчались. Бастовать в таких условиях было самоубийством. В итоге реальность, наступившая с либерализацией, лишила рабочих практически всех возможностей использовать свое положение на рынке труда, чтобы требовать уступок как коллективно, так и в индивидуальном порядке.

Уход капитала в отрасли, которые относительно защищены от трудовых выступлений, отражается в уровне инвестиций в новое оборудование. По сравнению с периодом импортозамещающей индустриализации их снижение очень значительно. В Эквадоре и Боливии, где и раньше индустриализация шла слабо, инвестиции в заводы и технологии остались на низком уровне. В Аргентине элиты выделяли незначительные средства на новое оборудование, но приватизация способствовала росту валовых вложений в основные фонды. И хотя было потрачено много средств на модернизацию здоровых отраслей, реальное накопление капитала планомерно снижалось с середины 1970-х и на протяжении 1990-х. Валовое накопление капитала достигло максимума в 31% в 1976 году; к 1990-му оно упало до 14%. Показатель несколько улучшился, но не превышал 20% валового продукта до 2006 года. В Венесуэле в неолиберальной период также наблюдалось резкое снижение инвестиций в машиностроение. С середины 1970-х по начало 1980-х государство следило, чтобы инвестиции в новые технологии и оборудование составляли 13% от ВВП, однако после структурных изменений во второй половине 1980-х ежегодные капитальные инвестиции сократились почти вдвое.

Естественно, с оттоком инвестиций доля промышленной продукции в валовом производстве по всему региону сократилась. В странах Розового прилива падение было очень резким. Промышленное производство в Аргентине, которое в лучший момент достигало более трети ВВП, упало за двадцать лет до четверти — и так и не оправилось. Что существенно, за цифрой 25% скрывается резкая поляризация между несколькими развитыми, высокоэффективными отраслями и шатким множеством мелких разрозненных фирм на грани закрытия [Kosacoff, 1993]. В Венесуэле доля промышленной продукции достигала 22% до рыночных реформ; с избранием Чавеса показатель упал до 17% и продолжает падать.

В сочетании с ростом теневого сектора указанные перемены привели после 1980-х к резкому падению численности профсоюзов во всем регионе. Этот феномен не только не обошел стороной страны Розового прилива, но и во многом оказался в них наиболее выраженным. Показатели упали на уровень начала XX века. Проф-

союзное движение не оправилось и с приходом к власти левых. Поражает то, что произошло в Аргентине. В 1970-х в профсоюзах состояла половина всех рабочих; к 1990-м — лишь одна пятая [Roberts, 2014, p. 100]. Согласно данным Международной организации труда, десять лет киршеризма увеличили число профсоюзных рабочих до 30%, но с тех пор этот показатель падает. Боливия и Венесуэла также пережили резкое ухудшение в сфере трудовой организации: сокращение числа профсоюзных рабочих варьируется от одной трети до половины. В эпоху импортозамещающей индустриализации при подъеме промышленного производства вокруг горнодобывающей и нефтяной промышленности профсоюзная численность достигла своего пика и составляла от четверти и более всех рабочих; к 1990-м только 9-13% боливийских и венесуэльских рабочих состояли в профсоюзах [Ibid.].

Если учитывать низкий уровень профсоюзной активности, растущий теневой сегмент и фрагментацию промышленности, не удивительно, что рабочие региона потеряли способность к коллективному действию даже в целях экономической самозащиты, не говоря уже о требованиях повысить оплату труда. Несмотря на неполноту и отчасти ненадежность имеющихся данных, можно с уверенностью сказать, что рабочие были не в состоянии ответить эффективной мобилизацией на разрушение системы занятости. В Аргентине профсоюзы реагировали на падение уровня жизни в результате кризиса и реструктуризации. В 1980-х гиперинфляция вынудила рабочих настойчиво требовать пересмотра заработной платы: в этот период ежегодно происходило около пятисот рабочих конфликтов в год. Их стало особенно много в последнее десятилетие, когда падение реальной зарплаты происходило особенно стремительно[1]. И хотя протест 1980-х не сопоставим по размаху с движением 70-х, все же он указывает на сохранность значительных объединяющих сил.

К 1990-м способность к мобилизации необратимо упала под влиянием приватизация, дезинтеграции и флексибилизации. Некогда сильное трудовое движение перонистов смогло организовать только 330 акций в год. Во второй половине 1990-х, когда были сокращены сотни тысяч рабочих мест, а зарплаты фактически заморожены, в год происходило всего 110 производственных конфликтов. Потеря объединяющих и мобилизационных сил в производственном секторе, очевидно, объяснялась общим ослаблением положения рабочих; число производственных конфликтов сократилось почти вдвое. Крах трудовой мобилизации в других странах Розового при-

1 Nueva Mayoria, *La Conflictividad Laboral, 1980-2016*, February 2016. (http://nuevamayoria.com/images/stories/celaforum/lab1602conflictos.pdf).

лива также носил удручающий, хотя и не столь ярко экстремальный характер. В Боливии и Эквадоре среднее число ежегодных забастовок сократилось с 240 и 100 до 100 и 40 соответственно. В Венесуэле в 1990-х трудовой мобилизации фактически не наблюдалась — в самый активный 1992 год, произошло всего 15 мелких забастовок.

С тех пор в большинстве стран Розового прилива рабочее протестное движение еще больше сократилось. По сути, рабочий класс даже при левых правительствах оставался без средств системного давления и не мог восстановить организационные ресурсы, необходимые для наращивания объединяющего потенциала и готовности к борьбе. Только в Аргентине благодаря заметному экономическому подъему, спровоцированному девальвацией 2002 года и ее умеренно-протекционистскими последствиями, наблюдался подъем рабочего протеста. В 2007-м профсоюзы, окрепшие за пять лет левых у власти, организовали более тысячи акций[1]. Но эта цифра вводит в заблуждение; возвращение забастовок при Киршнерах отражает лишь тот факт, что выбранный руководством путь институциализации коллективного выторговывания уступок усилил объединяющие способности профсоюзов лишь с целью стабилизировать зарплаты[2].

Тем не менее неолиберальная реструктуризация, лишившая рабочих возможности осуществлять позиционное давление, не смогла свести на нет подрывной потенциал субалтернов. По мере маргинализации труда массовые слои населения выработали иные эффективные организационные ресурсы деструктивного характера. Неолиберальные кризисы и нестабильность толкали растущий неофициальный сектор и прекарные слои населения на борьбу, поскольку возможности промышленного сопротивления иссякли. Рост протестного движения привел к возникновению мощных движений, которые, не имея структурной власти, пользовались иными формами давления.

Неолиберальный кризис и ремобилизация низов

Маргинализирующие следствия неолиберального реструктурирования промышленности и социального обеспечения способствовали ремобилизации массовых слоев населения против элит. Однако экономическая деградация и социальная эксклюзия не могли на-

1 Taller de Estudios Laborales, *Informe trimestral de estadísticas laborales y económicas.* No. 12 October 2009 (Buenos Aires), p. 20. (http://www.tel.org.ar/spip/est/inftrioct09.pdf).

2 René Rojas, рукопись.

прямую подстегнуть организацию и мобилизацию левых. В конце концов народным массам потребовалось более пятнадцати лет, чтобы восстановить свое реальное влияние. Подрывная ремобилизация субалтернов произошла скорее вследствие длительной подготовки новой инфраструктуры для политической мобилизации. Как ни странно, новая сила класса основывалась не на структурных рычагах влияния в экономике, а на уничтожении этих рычагов. Перед лицом маргинализации массовые слои населения инициировали серию протестных циклов, во ходе которых была создана, расширена и скоординирована новая форма эффективной организации. Эта объединяющая сила оказалась достаточной, чтобы сместить неолиберальные правительства и заменить их на партии Розового прилива. Но отсутствие структурного основания не могло защитить их от истощения организационных ресурсов и от отката к старому порядку, инициированного государственной элитой.

Циклы протеста и организационного подъема

Социальное опустошение вследствие рыночных реформ толкало население выступать с протестами из-за нехватки средств к существованию. Выведенные из производственного процесса, отрезанные от государственной поддержки и социального обеспечения, широкие слои рабочих и бедноты проводили независимые кампании для борьбы за материальные блага, большей частью не связанные с работой и производством. Отвергнутые неолиберализмом и вынужденные ютиться по краям формального рынка, бывшие клиенты и сторонники правительств-модернизаторов создавали новые организации или преобразовывали старые для давления на власть, чтобы получить доступ к базовым услугам, коммунальным субсидиям и инфраструктуре, городским благам, свободе безнаказанно заниматься полулегальной деятельностью или же просто получать социальное пособие. Без позиционного влияния такие требования опирались на подрывную деятельность, на причинение ущерба через прямое действие, что, в свою очередь, требовало усиления существующих уз солидарности.

В Боливии, например, бывшие шахтеры, ныне занятые выращиванием коки, перекроили на новый лад объединения рабочих и крестьян, созданные корпоративными правительствами во времена импортозамещающей индустриализации, и стали использовать их для защиты нового источника пропитания от уничтожения. В Венесуэле обитатели трущоб создали объединения общин для защиты и поддержки своих районов и борьбы за транспортную доступность. В Аргентине семьи безработных блокировали дороги

и требовали от государства выполнения плана социального обеспечения. Эти первоначальные защитные меры антинеолиберального сопротивления стали организационными кирпичиками, которые заложили основу для возникновения более широких объединяющих возможностей; впоследствии массы воспользуются ими, чтобы свергнуть неолиберальные правительства.

Вторая волна рыночных реформ усилила маргинализацию и подорвала способность государства реагировать на нужды населения, в результате чего протестное движение усилилось. Защитные и местные организации стали кооперироваться с коллегами, их требования приобрели более наступательный характер. С усилением мобилизации народные массы стали создавать протестные блоки, которые объединялись вокруг политических требований национального масштаба. В процессе расширения и координации объединяющие возможности субалтернов совершили качественный скачок. Возникли широкие фронты — некоторые более согласованные, чем другие. Они пытались перехватить предложения по либерализации, реагировали на ухудшение экономической ситуации или вовсе вступали в прямую конфронтацию с властями.

В Боливии крестьянские лиги, конфедерации рабочих, которые приняли в свои ряды неофициально работающих, и федеративные советы бедных районов оказали поддержку в борьбе местного населения за право на воду. В результате начались национальные демонстрации, которые привели к отставке президента во время «газовой войны» 2003 года. Боливийское массовое движение достигло максимальной институционализации, создав формальный организационный базис для новой партии «Движение за социализм», которая возглавила протест, привела Эво Моралес на пост президента и с тех пор стала гегемоном в стране. В Аргентине безработные пикетерос устраивали массовые беспорядки, организовали массовые собрания для координации действий и в итоге сформировали мощный фронт, в который вошли профсоюзы и организации общин. Во время финансового кризиса 2001–2002-х годов они буквально парализовали страну, установив блокаду дорог и сконцентрировав силы восставших вокруг столицы. Затем они помогли Киршнеру стабилизировать правительство, поскольку именно пикетерос были ключевой базой поддержки неоперонизма.

В Венесуэле процесс шел несколько иначе. Поначалу протестное движение общин и полусекретных объединений подготовили почву для первого избрания Чавеса в 1998-м. Затем во время боливарианской революции антинеолиберальные протестные организации вывели объединяющие ресурсы на новый уровень, мобилизовавшись на защиту радикализирующегося правительства от нападок элит.

От независимой борьбы к популистскому клиентелизму

Несмотря на успешное внедрение левых во власть, массовые движения очень скоро оказались зависимы от государства и утратили свою подрывную мощь. Можно назвать три причины такого исхода. Во-первых, движения неминуемо стали выдыхаться из-за необходимости постоянной и затратной мобилизации. Во-вторых, требования пособий и перераспределения бюджета, которые питали подъем, были частично выполнены новыми правительствами в форме новых программ социального обеспечения; подобные программы продвигались структурами движения. В-третьих, мобилизация в той степени, в которой она имела место, вскоре сместила фокус с активного протеста, нацеленного на свержение неолиберализма, в сторону «ажитации», инициированной сверху, которая использовалась для защиты правительств Розового прилива. Вместе эти три фактора ослабляли и демобилизовали массовое протестное движение, лишали его независимости. У повстанческих организаций не только наступил спад мобилизационных способностей; приверженность «своим» правительствам и структурам сторонников означала, что они зависели от государственных, а не организационных ресурсов, завоеванных в борьбе ради институционного выживания и благополучия своих участников.

Находясь в маргинализованном положении, народные организации соглашались на такие условия. Отрезанные рыночными реформами от экономических институтов, важных для элит, они оказались в подчиненном положении по отношению к левым властям и их посредникам. Не имея возможности развернуть структурное давление, они поставили свое движение на службу правительствам Розового прилива. Эти правительства не просто манипулировали своими сторонниками. Они были зависимы от социальной базы народных организаций, и потому старались максимально удовлетворить их требования; поражение на этом фронте означало бы поражение на выборах. Новые левые Латинской Америки, таким образом, оказались втянуты в цикл клиентелизма, который позволял сохранять статус кво, но не давал двигаться дальше. Правительства институализировали и материально поддерживали своих сторонников, тем самым обеспечивая уровень организации, необходимый для отражения угроз и голосования на выборах. В обмен массы воспроизводили свои организации, которые создавались не только и не столько для защиты правительств Розового прилива, сколько для уменьшения своих тягот. Разумеется, имея слабые социальные позиции и находясь в подчиненном положении, бывшие повстанцы не могли выступать с более радикальными требованиями. Розовый

прилив увяз в неолиберальной модели развития, хотя и создал улучшенную систему распределения благ. Боливарианская революция в Венесуэле и подъем неоперонистского популизма в Аргентине лучше всего иллюстрируют трансформацию мощных восстаний в зависимые клиентелы, а также то, что такое превращение усугубило «встроенную» социальную слабость Розового прилива.

Венесуэла: от мощного цунами к мелкому ручью

Толчком к подъему радикального боливарианского популизма стал мятеж, случившийся в феврале 1989-го, получивший название «Каракасо». Эти массовые выступления стали провозвестником антинеолиберальных мобилизаций, который через десять лет привели к серии электоральных побед Розового прилива. Восстание, поднятое безработными и неофициально занятыми жителями столичных трущоб, было направлено против переизбранного социал-демократа (от партии Acción Democratica) Карлоса Андреса Переса, звезды политики, прославившегося широкими жестами в свое правление, пришедшееся на нефтяной бум 1970-х. В 1980-х его кампания также опиралась от популистской платформы, осуждая неолиберальную реструктуризацию и многосторонние финансовые кондициональности как «нейтронную бомбу, которая убивает людей и сохраняет здания». Перес был главной фигурой в партийной системе, установленной соглашением о разделении власти, которую AD заключила с своими соперниками из христианско-демократической партии (COPEI) в Пунто-Фихо. Этот пакт был результатом спорной ре-демократизации 1958 года, закреплявший квази-корпоратистскую систему, при которой государство в обмен на поддержку рабочих брало на себя обязательство поддерживать профсоюзное движение и институализировать коллективный трудовой договор. При пунтофихском режиме официально трудоустроенные работники получали щедрые зарплаты, которые с 1960 до середины 80-х росли лучше быстрее производительности [Di John, 2009, p. 51].

Хотя система, принятая в Пунто-Фихо, уже трещала по швам к концу 1980-х, Перес повел неолиберальную атаку на венесульский нефтяной корпоратизм. Свой второй срок Перес начал с проведения крайне прорыночных реформ, рекомендованных МВФ, которые ранее отвергал. Пересовская программа, печально знаменитый «пакет» (paquete), предвосхищала уловки бывших и будущих популистов региона, иначе говоря, прием «неожиданного неолиберализма». «Пакет» усилил уязвимость растущего класса неофициально занятых работников, усугубив их зависимость от рынка для удовлетворения базовых потребностей [Stokes, 2001]. Меры Переса ускорили приватизацию, введение налогов на продажу и привели

к еще большей либерализации торговли, отменив субсидии. Как результат, самое неустроенное население, городская беднота, вышла на улицы. Для восстановления порядка Перес приказал военным стрелять на поражение. По результатам Каракасо тысячи человек были убиты и еще сотни пропали без вести.

Восстание имело три важных последствия, приведших к установлению боливарианского режима. Во-первых, оно забило последний гвоздь в гроб партийной системы AD-COPEI. С принятием неолиберального курса огромное число людей осталось без работы; ресурсы, которые поддерживали сплоченность рабочих, были подорваны, в особенности пострадали связи с профсоюзами, в свое время институализированные партией социал-демократов. Все больше представителей рабочего класса, ютившихся в лачугах на холмах, окружавших роскошный центр Каракаса, оказывались отрезаны от двухпартийной системы, якобы представлявшей их интересы. Во-вторых, городская беднота смогла создать организационный ресурс на местах. В условиях, когда большая часть рабочего класса не имела связи с традиционным представительством, радикалы и коммунистические активисты стали создавать локальные объединения, как легальные, так и не совсем легальные, занятые взаимопомощью и защитой социальных благ. Эти маргинализованные, но организованные группы заложили основу социальной поддержки Чавеса. Когда от системы, принятой в Пунто-Фихо, остались одни клочья, элиты поняли, что не в состоянии заручиться согласием их согласием. Наконец, события Каракасо активизировали слой националистически настроенных офицеров среднего звена, которым пришлось подавлять восстание. Именно после Каракасо Чавес и его сторонники стали задумываться о захвате власти и восстановлении «прогрессивно-националистического» режима. Примечательно, что новый популистский радикализм Чавеса возник при поддержке тех самых групп, которые ему было приказано подавить. Он критиковал неолиберальную политику как стороннее лицо, что давало ему выгодные возможности для включения неофициально занятых в правящую коалицию.

На рубеже веков начался процесс глубокой трансформации, подстегиваемый повторяющимися попытками элиты сместить Чавеса, за которыми последовала мобилизация, защищающая его правление и радикализирующая на каждом шагу процесс реформ [Cicciariello-Maher, 2013].

После неудачной попытки государственного поворота в 1992 году Чавес сказал два знаменитых слова — «до времени», показав, что его успех — дело времени; через шесть лет его буквально усадили в президентское кресло. Все те же неофициально занятые, восставшие в 1989-м и поддержавшие приход Чавеса к власти, теперь

требовали выполнения размытых обещаний побороть бедность и коррупцию, ради которых они голосовали. Чавес набрал 56% голосов, при этом ни AD, ни COPEI не выдвигали своих кандидатов, так как чувствовали массовую враждебность к пунто-фухизму. После краткого периода вступления в должность нового президента, который оппозиция использовала для собственной реорганизации, элита, которой не на шутку угрожала новая конституция, перешла в наступление. После победы Чавеса на следующих выборах с 60% голосов при поддержке не слишком стройного Движения за пятую республику его оппоненты спровоцировала уличные беспорядки с жертвами, за которыми в апреле 2002 года последовал государственный переворот. Элита использовала техническое и бюрократическое превосходство для проведения длительного и разорительного локаута стратегически важной нефтяной промышленности в конце того же года, и, учитывая прежние неудачи своих непарламентских тактик, запустила в 2004 году кампанию для проведения референдума об отзыве президента, чтобы сместить Чавеса на законных основаниях.

Каждый шаг все больше активизировал сторонников Чавеса, подталкивая их к организации и мобилизации, которые в свою очередь обеспечивали все большее влияние на боливарианскую социальную политику. В ответ на государственный переворот сторонники Чавеса, задействовав общинные сети, подтянулись в столицу, встретили путчистов массовым протестом и содействовали возвращению Чавеса к власти с помощью верных ему военных. Успех чавистов способствовал еще большему вовлечению народных масс в политическую жизнь; во время забастовки работодателей в 2003-2004-х годах они ответили мобилизацией на рабочих местах, в особенности в нефтяной промышленности, где благодаря находчивости и самоуправлению рабочим удалось запустить производство. Правда, прежде чем это произошло, элитам удалось снизить объем производства на 8% и отозвать свои обещания снизить уровень бедности. На этот раз действия рабочих-боливарианцев в борьбе против элиты привели к формированию новой трудовой конфедерации — Национального союза трудящихся Венесуэлы (UNT), который фактически вытеснил корпоратистскую Конфедерацию трудящихся Венесуэлы (CTV), занявшую во время локаута сторону работодателей. UNT требовал радикальных реформ — введения рабочего контроля и совместного управления на производстве, а также оформления занятости для гибко занятых [Ellner, 2018].

Последнее утверждение народной власти случилось в 2004 году, когда чависты организовали конституционалистскую мобилизацию в защиту боливарианского режима и на 2 млн голосов обошли правых, объявивших кампанию правых за отзыв президента.

Из сказанного можно сделать однозначный вывод: политическое выживание Чавеса зависело от консолидации организационной силы его сторонников и выполнения их требований. В том же году Чавес объявил, что его революция будет по сути социалистической. Боливарианский социализм XXI века держался на двух столпах: универсальном соцобеспечении и реструктуризации институтов политического участия. Чавес усилил перераспределение нефтяных доходов, которые на протяжении пяти лет неуклонно росли, так как локаут был преодолен и мировые цены на сырье поднялись. Социальные расходы на душу населения в этот период увеличились в два раза. С такими вливаниями твердой валюты боливарианский режим принял ряд социальных программ, так называемые misiones, которые вводили всеобщее бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное среднее, средне-специальное и высшее образование для всех возрастов и массовое распределение льготных продуктов питания.

Бестоварное социальное обеспечение естественным образом поддерживало верность народа правительству. На таком основании боливарианский режим воссоздал корпоратистскую модель: средства от нефтяной торговли оплачивали связь государства с неофициально занятыми представителями рабочего класса. Для институционализации своего расширенного клиентелизма, Чавес создал две важные объединяющие структуры: единую Социалистическую партию (PSUV) и коммунальные советы. Обе структуры представляли собой гибридные организационные модели с горизонтальными механизмами участия на низшем уровне; решения принимались на высшем уровне партийными лидерами и государством [Ellner, 2014].

Этот боливарианский социалистический проект нес с собой серьезные риски. Во-первых, зависимость от нефти ставила народное благосостояния в зависимость от капризов мирового сырьевого рынка. Поэтому, когда цены на нефть стали падать, особенно заметно в 2009 и 2015-х годах, вместе с ними стали падать и социальные расходы. Экономический и социальный кризис, вызванный сокращением дохода от нефтепродажи, бросил вызов боливарианским убеждениям городской бедноты. Верность низших слоев также была подорвана бюрократизацией партийных и коммунитарных институтов, которая способствовала коррупции и развертыванию консервативных инициатив. Хотя PSUV и коммунальные советы создавались на энтузиазме низших слоев, в конечном итоге власти и новые элиты канализировали их деятельность решениями сверху.

В условиях ухудшающейся экономической ситуации и отчужденной вертикальной централизации, которые сказывались на рядовых чавистах, новый режим начал переходить в стадию

крушения иллюзий и ренегатства, еще до внезапной смерти Чавеса и неудач неловкого правления его преемника Николаса Мадуро. После обвала экономики в 2015 году, который, как и следовало ожидать, более всего ударил по неофициально занятым и их семьям, чавизм не смог ни проявить политической инициативы, чтобы перейти к радикально новой модели развития, ни мотивировать своих сторонников на защиту режима от усиливающихся атак с правого фланга.

Рецессия, вызванная обвалом цен на нефть, резко обострилась в 2014 году. В 2015 году добыча упала почти на 6%, а в следующие два года этот показатель продолжил снижаться. Инфляция в 2015-м выросла с 60 до 120%, а с тех пор шагнула в область пятизначных цифр. Острый дефицит, установленный потолок потребительских цен, множественность валютных курсов — все вместе привело к возникновению безжалостного черного рынка товаров и долларов, что нанесло мощный удар по уровню жизни бедного населения. Оппозиция использовала кризис, чтобы перейти в наступление, начав с ожесточенных уличных демонстраций.

Кульминацией событий стал захват правыми власти в декабре 2015 года: на парламентских выборах большинство голосов получил блок «Круглый стол демократического единства» (MUD). С тех пор страна с экономикой в состоянии свободного падения и беспрецедентным уровнем бедности находится в патовой ситуации, а кризис лишь усугубляется. Заручившись поддержкой правовой системы для блокировки оппозиционной кампании по отзыву президента, Мадуро организовал конституциональную ассамблею, на которую опирался PSUV, несмотря на снижение поддержки. Чтобы удержаться у власти в условиях тотального коллапса, президент использовал новые электоральные правила, неспособность оппозиции преодолеть разногласия по ключевым вопросам и общее разочарование в чавизме.

Аргентина: возвращение перонистского гиганта на глиняных ногах

Кейс Аргентины во многом пересекается с опытом Венесуэлы. Если в Венесуэле затянувшийся кризис неолиберализма и традиционной партийной системы вскрылись событиями Каракасо, то в Аргентине народное движение набирало обороты в 1990-е и достигло кульминации в декабре 2001-го с народным восстанием и политическим кризисом. В то же время опыт Розового прилива в Аргентине существенно отличался от венесуэльского; прежде всего отличие заключалось в том, что старая партийная система не была полностью уничтожена, так как новые реформаторы представляли обнов-

ленный перонизм — главное явление послевоенной аргентинской политики. Поэтому левому движению нужно было приложить больше усилий, чтобы его принимали всерьез. Режим в свою очередь не проводил радикальных изменений политической платформы и представительских институтов государства.

Как и в Венесуэле, взрыв народного гнева против политического класса в Аргентины подогрели трудности, вызванные рыночными реформами. Открытая торговля, отказ от регулирования и приватизационная политика ортодоксального перониста Карлоса Менема довели бедность, безработицу, неофициальную занятость до беспрецедентных уровней. При импортозамещающей индустриализации Аргентина ближе всех стран региона подошла к 100%-ной занятости. К концу 1990-х половина населения находилась за чертой бедности, безработица достигла 20%, и более половины трудящихся работали неофициально. Особенно пострадали традиционные отрасли «синих воротничков», такие как строительство и промышленность: более половины работников этих сфер на момент коллапса не были трудоустроены.

Начиная с конца 1990-х масса семейных рабочих, оставшихся без работы или вынужденных искать работу в ненадежном неофициальном секторе, инициировали серию восстаний, которые набирали масштаб и в конце концов привели к блокаде столицы в конце 2001 года.

Меры строгой экономики были поддержаны обеими ведущими партиями — перонистами и радикальной партией (UCR) с целью получить кредиты МВФ для поддержания долларового паритета местной валюты; в результате даже средний класс вышел на улицы Буэнос-Айреса и других крупных городов. Когда в декабре 2001 года правящий альянс во главе с UCR переназначил архитектора денежной реформы 1990-х и заморозил банковские счета, чтобы избежать панического изъятия средств, столица взорвалась, охваченная страхом грядущей девальвация. Восстание, в ходе которого десятки человек погибли и сотни получили ранения, вынудило президента от UCR бежать; в течение недели три временных президента сменяли друг друга.

Официальные промышленные профсоюзы либо бездействовали, либо поддерживали либерализацию, поэтому мобилизацию возглавили неофициально занятые. Их главная тактика — блокировка дорог с требованием выплат пособий по безработице. Изначально пикетерос концентрировались в провинциальных городах, которые полностью зависели от закрывшихся заводов. Опираясь на общины и связи с бывшими коллегами, тысячи людей, внезапно оставшихся без работы, перекрывали важные трассы и требовали пособий. Опасаясь, что эти акции могут негативно сказаться на стабильно-

сти и без того шаткой неолиберальной программы, власти ответили разработкой «планов» по выплатам пособий. Однако это лишь усилило объединяющий ресурс пикетерос: они расширили применение успешной тактики [Garay, 2007, p. 301-308].

По всей Аргентине безработные блокировали дороги, рассчитывая на поддержку населения. Движение пикетерос стало массовым и постепенно охватило административные и экономические центры страны. Весь конец 1990-х движение консолидировало объединяющие ресурсы, создавая региональные, а затем и национальные федерации. Как показывает Эдуардо Сильва, в 1997-м было организовано 140 полных дорожных блокировок большей частью во внутренних районах страны [Silva, 2009, p. 83]. К 2002-му их было свыше 2300; в них принимало участие в среднем 2000 протестующих, причем более половины акций прошли в центре страны вокруг Буэнос-Айреса[1]. Главным образом именно движение пикетерос и вызванная ими дестабилизация свергла старый режим.

Народное восстание под лозунгом «que se vayan todos» («пошли все прочь») уничтожило широкие сегменты существующей партийной системы и вынудило перонизм преобразоваться в интересах собственного спасения. Нестор Киршнер занял президентское кресло, набрав всего 22% голосов на досрочных выборах в июле 2003 года. Хотя мобилизация пикетерос несколько сбавила обороты, к середине года столица пережила 120 блокировок дорог, а окрестности Буэнос-Айреса — 194. Для стабилизации ситуации и укрепления своего шаткого положения новое правительство сделало демобилизацию своей приоритетной задачей. Чтобы убрать пикетерос с дорог, Киршнер расширил реформы временного правительства. В основном они сводилось к консолидации «планов» по выплате пособий в единую программу социального обеспечения (Plan Jefes y Jefas de Hogar) и выборочной передаче управления средствами организациям безработных рабочих в обмен на политическую поддержку. К 2002 году программа охватила 1,5 млн семей и составляла 7,5% федерального бюджета [Giraudy, 2007, p. 33-55]. Переход на консолидированную и самоуправляемую систему выплаты пособий вкупе с другими важными реформами сыграл огромную роль в демобилизации пикетерос.

Дефолт и мощная девальвация, запущенные временным правительством, дали столь необходимый толчок экспорту и создали новый источник ресурсов для социальных программ. Когда в 2003 году цена на сою и другие базовые продукты начала расти, новое правительство подняло налоги на экспорт и направило вырученные

1 [Garay, 2007, p. 312]. См. также [Silva, 2009, p. 83].

средства в казну. В течение года с момента избрания Киршнера мировая цена на сою выросла в два раза; в 2007-м, когда цена снова поползла вверх, он повысил налог со скромных 13,5%, установленных временным правительством (при Менеме он падал до ничтожных 3,5%), до 35%. Именно в этот период социальные расходы на душу населения выросли на 50%. Поскольку число рабочих мест неуклонно росло — безработица к 2006 году сократилась вдвое — значительная часть социальных средств стала выделяться на новую программу выплат малоимущим семьям на каждого ребенка (Asignación Universal por Hijo, AUH), учрежденную в конце 2009 года. К 2013-м в нее вошли 2 млн бедных семей; примерно треть всех домохозяйств получала самые крупные пособия в регионе [Salvia, Vera, 2013].

Быстрый возврат к росту и расширению социальных программ имел важные политические последствия. Во-первых, партия и государственные институты трансформировались лишь частично. Если антиперонистские либеральные партии потерпели крах, то Хустисиалистская партия перестроилась. В условиях роста благосостояния неопопулисты получили доминирующее положение среди последователей перонизма. Обеспечив социальную стабильность и консолидировав режим, жена Киршнера, Кристина Фернандес, победила на выборах, вторых за 2011 год, с разгромным преимуществом. Хотя традиционные фракции перонизма были ослаблены восстанием и мобилизацией 2001-2002 года, экономический рост и стабилизация способствовали восстановлению центров власти перонистов старой гвардии. Они смогли открыть новый фронт против электорального перевеса киршнеристов, а также их новых патронажных систем.

К 2015 году перонисты сформировали мощный блок местных каудильос и чиновников-бюрократов, набрав более пятой части голосов. Старая либеральная оппозиция, напротив, потеряла какую бы то ни было возможность конкурировать за власть: и если несколько новых радикальных лидеров удерживали региональные системы, то национальные кандидаты едва преодолели 10%-ный барьер как на праймериз, так и на выборах. Партия рассеялась за личностями отдельных кандидатов и сделками с новой оппозицией.

Во-вторых, социальные фонды не только способствовали демобилизации большей части пикетерос, но и поощряли вступление в киршнеристскую популистскую коалицию. Новый клиентелизм оказался выгоден широким слоям неофициально занятых; он поглощал организации безработных, лишая их независимости и милитантности. И хотя незначительная часть движения пикетерос пыталась поддерживать инициативу, большая его часть видоизменилась и оказалась интегрирована в патронажные сети киршнеристов. Это не только лишило их возможности автономно проводить протест-

ные акции в своих интересах, но также задушило их мобилизационные силы. Средства, направляемые этим группам, не столько укрепляли их организационный ресурс, сколько работали по схеме оказания услуг. Однако в отличие от боливарианского кейса киршнеризму не удалось создать новые структуры народного участия и государственного посредничества.

В результате инкорпорации слабо институализированным неоперонизмом народные организационные мощности резко упали. Если венесуэльская элита в оппозиции вплоть до 2015 года терпела ряд ослабляющих поражений, то в Аргентине прорыночные силы смогли реорганизоваться, не встречая сопротивления со стороны массовых движений. Хотя мобилизация 2008 года против повышения экспортных налогов нельзя назвать полностью успешной, она выявила обозначившийся контур новой сильной оппозиции. Институционально антипопулистская оппозиция выстраивалась вокруг социально-либеральной администрации столицы при нынешнем президенте Маурисио Макри. Начиная с 2011 года Киршнерам приходилось противостоять нараставшему протесту в Буэнос-Айресе и за его пределами, инициированному активизировавшимися средними слоями и перестроившимися перонистами-бюрократами. Благодаря слабо структурированной поддержке киршнеризма новая оппозиция смогла оправиться от кризиса и стать серьезной угрозой.

Развитие событий нанесло серьезный удар по рассеянной и демобилизованной киршнеристской оппозиции. Когда в 2013-14-х годах обозначились экономические проблемы, Киршнеры не были готовы дать отпор наступлению оппозиции. После пика конца 2012 года на протяжении всего 2014 года цены на сою неуклонно падали, существенно сокращая государственные доходы. Доля средств, выделяемых на социальные программы, снизилась более чем на одну десятую, и в первый раз с начала правления Киршнеров, подушные социальные отчисления сократились. Бюджетный дефицит в условиях многомиллиардных долларовых выплат на погашение внешнего долга рос, что существенно подорвало позиции песо. И хотя правительство Фернандес увеличило размер пособий и минимальной зарплаты, растущая инфляция съедала эту разницу. На фоне сокращения ВВП в 2014-м, а затем и в 2016 году и стремительно растущих потребительских цен Макри с легкостью обошел преемника Фернандес во втором туре на выборах 2015 года. Показательно, что кандидат от киршнеристов повысил явку на коалиции на полмиллиона голосов, а антипопулистам удалось увеличить число своих голосов более чем на 12 млн!

На примерах Венесуэлы и Аргентины можно видеть врожденные слабости левых Розового прилива. Если политика импорто-

замещающей индустриализации дала силу рабочему движению, поставив его участников в положение, где они были незаменимы для реализации интересов элит, то неолиберальная аккумулятивная модель, унаследованная правительствами Розового прилива, рассеяла силу рабочего класса. Послевоенная индустриализация взрастила тех, кто мог бросить вызов, если не полностью похоронить буржуазный режим; рыночные реформы породили мятежные массы, у которых не было инструментов, чтобы спорить с самими основами власти элит. Ограничения помешали новому движению осуществить сущностную трансформацию экономической модели, ответственной за их маргинализацию. К счастью, слабость субалтернов не абсолютна в сравнении с властью элит: хотя неолиберализм уничтожил рычаги влияния рабочих, он также фрагментировал мощности бизнеса.

Фрагментация элит в эпоху после импортозамещающей индустриализации и дезорганизации местных бизнес-сообществ усилиями левых правительств имеет свой совокупный эффект. Он проявляется в неспособности навязать странам Розового прилива цельную и жесткую ортодоксальную программу. Либералы, отнявшие власть у руководителей Розового прилива, большей частью не сумели дать обратный ход социальной политике своих предшественников. В Аргентине Макри не решился отозвать централизованный коллективный договор или главную программу соцобеспечения киршнеристов (AUH). Одно заявление о соглашении с МВФ запустило массовую ремобилизацию объединяющих ресурсов рабочих и бедноты. В Венесуэле разрушение социальной программы происходит в правление последователей Чавеса. Тот факт, что правые не способны вернуть власть даже в ужасающих социальных условиях, говорит о неспособности оппозиции предложить единую программу, которая бы обеспечила минимальные условия жизни при пост-боливарианском режиме.

Главный вывод состоит в то, что, опираясь в основном на городскую неофициально занятую бедноту, левые Розового прилива остались без того типа власти, который необходим для реализации радикальных программ. Бессилие создало порочный круг. Лучшее, что могли сделать правительства Розового прилива для удовлетворения интересов своих сторонников, оказавшись не в состоянии сломать неолиберальную модель, — это направить средства от внешней торговли бедным массам. Такой подход сформировал порочную петлю обратной связи между политической выгодой сырьевого экспорта и новыми формами клиентелизма. Вместо того чтобы разрабатывать стратегию реализации радикальных освободительных и эгалитарных программ с опорой на структурно влиятельную социальную силу, Розовой прилив был вынужден менять мобилизо-

ванную поддержку на патронаж. Такая подмена лишила левых базы социальной поддержки. Договор рухнул, как только закончилось экспортное благоденствие. Структурная слабость подорвала режимы Розового прилива в большей степени, чем саботаж элит.

Заключение

Как следует левым реагировать на упадок Розового прилива? Утверждение, что упадок был предопределен изначальным неравенством сил, придает оттенок неизбежности нынешним неудачам левых. Однако радикалам и народным движениям не пристало поддаваться пессимизму и опускать руки. В действительности левые должны ценить достижения правления Розового прилива. Итоги их работы показывают, что даже в условиях ограниченного потенциала, возможно провести социальные и политические реформы, которые помогли массовым слоям населения, дали им возможность влиять на ситуацию; что еще важнее, эти реформы продолжают жить. Эта живучесть вопреки всем недостаткам объясняется объединяющей силой субалтернов, проявленной во время неолиберального сопротивления. Клиентелистская консолидация, пусть ослабленная и скомпрометированная, позволяет эффективно отражать попытки новых правых отменить эти программы. Неофициально занятая беднота, возможно, больше не хочет мобилизовываться на защиту партий и политиков Розового прилива, но они не будут сидеть и смотреть, как элита лишает их той малой социальной защиты, которую они отвоевали.

Даже когда Розовому приливу не хватало структурного влияния, чтобы провести экономическую демократизацию, которую классические левые вынесли на повестку дня, их неолиберальные преемники сталкиваются с серьезными препятствиями, чтобы провести обратные неокорпоратистские реформы. Тактический баланс организационных сил способствует своего рода патовой ситуации: реформы Розового прилива невозможно углубить, но и невозможно полностью нивелировать. Некоторые могут заметить, что подобная тонкая реинкорпорация — постоянный элемент в региональном политическом климате. Эта точка зрения должна снять тревогу по поводу преувеличенной угрозы установления неоавторитарных правых режимов в регионе. Правление Розового прилива, пусть и далекое от удовлетворительного и далеко не такое освободительное, как многие надеялись, все же уничтожило основы жестокой и тоталитарной рыночной ортодоксии, которая прежде доминировала.

Наконец, сопоставление Розового прилива с классическими латиноамериканскими левыми показывает сложные, но насущные задачи, стоящие перед радикалами Латинской Америки. Ни то, ни дру-

гое поколение не могло продвинуться без массовых независимых организационных ресурсов. Они работали в разных реальностях, анализ условий их функционирования показывает, что невозможно бросить радикальный вызов элитам как без надежных структурных ресурсов, так и без организационных сил. Всюду подстерегают опасности, что можно видеть на примере неудачной кампании течения «Мареа Социалиста» (Marea Socialista), направленной на создание радикального и независимого трудового движения в Венесуэле. Не имея значительной представленности в главных секторах экономики, оно было задавлено официальными трудовыми конфедерациями боливарианского толка и, что символично, Единой социалистической партией Венесуэлы.

Возможностей между тем множество. Аргентинские транспортные милитанты использовали собрания, посвященные производственной безопасности путевых рабочих для усиления организации сотрудников, обслуживающих систему метрополитена [Rojas, 2014, p. 14-19]. Боливийские общинные ассоциации в трущобах, опоясывающих Ла-Пас, сохраняют свою силу, хотя за сохранение автономности им приходится бороться. Вдохновляющие примеры можно найти в странах, где не было Розового прилива. Бразильское движение безземельных рабочих (MST) выросло в самое сильное в регионе массовое движение во многом благодаря постепенной и целенаправленной аккумуляции организационных ресурсов рабочих общин и семей, вытесненных на экономическую периферию. Чилийские студенты, занимая маргинальную структурную позицию, быстро создали объединяющий ресурс, позволивший запустить движение, которое дает возможность вновь говорить о радикальной политике после нескольких десятилетий неолиберальной гегемонии.

Эти примеры также показывают, что, несмотря на необходимость усиления объединяющей мощности движения, ее одной недостаточно. Сопоставление Розового прилива и классических левых показывает необходимость развертывания организационной базы, регулярная деятельность которой дает возможность дестабилизировать экономический базис правящего класса. Поэтому задача левых — не оставлять движения, обеспечившие поддержку Розового прилива, а установить связи между мобилизированными группами и теми, кто обладает структурной властью. Хотя неолиберализм лишил подобных ресурсов широкие слои рабочего класса, рыночные реформы не смогли полностью ликвидировать влиятельность всех рабочих. Смена модели развития преобразовала стратегии элиты, нацеленные на получение прибыли, в другие секторы и отрасли. Эти производства более разобщены и изолированы, на них трудятся менее квалифицированные рабочие наряду. Попутно наблюдает-

ся переизбыток неофициальной рабочей силы. Трудоустроенные рабочие, которым относительно повезло, испытывают постоянное конкурентное давление; в отличие от широких масс, отброшенных в теневой сектор, в состояние полной нестабильности, они не выказывают сопротивления и не выходят протестовать.

Однако неолиберальное производство также уязвимо. Современные условия задают высокие барьеры для организации ведущих отраслей экономики. Но когда радикалы найдут способ создать объединяющий ресурс рабочих в этих областях, левые снова получат в руки мощный и долговременный рычаг влияния, который позволит добиться более глубоких реформ. Экономика импортозамещающей индустриализации сделала многое в этом направлении. Сейчас от левых требуется неустанно прилагать усилия, превозмогая себя, чтобы занять ключевые позиции в доходных стратегиях бизнеса и тем сам высвободить структурную силу неолиберального рабочего класса.

Ориентиром могут служить выступления рабочего класса, пусть и не такие громкие, как ранние протесты Розового прилива. Эффективная организация разобщенных, атомизированных, лишенных официальных гарантий рабочих добывающей отрасли и экспортной инфраструктуры, — например, через профсоюзную деятельность, координацию шахт и портов, работающих по субподряду, как это происходит в Чили, истинном воплощении латиноамериканского неолиберализма, — показывает нам правильное направление. Задача левых — отследить моменты, когда успех можно повторить.

Библиография / References

Ali T., Barsamian D. (2006) *Pirates of the Caribbean: Axis of hope*, London: Verso.

Barker C. (ed.) (2008) *Revolutionary Rehearsals*, Chicago: Haymarket Books.

Booth J. (1985) *The End and The Beginning: The Nicaraguan Revolution*, Westview Press.

Casey N., Neuman W. (2018) "I Give and You Give": Venezuela's Leader Dangles Food for Votes". *New York Times*, May 18.

Cicciariello-Maher G. (2013) *We Created Chávez: A People's History of the Venezuelan Revolution*, Durham: Duke University Press.

Collier R.B. (1999) *Paths toward Democracy: The Working Class and Elites in Western Europe and South America*, Cambridge: Cambridge University Press.

Di John J. (2009) *From Windfall to Curse?: Oil and Industrialization in Venezuela, 1920 to the Present*, University Park: Penn State Press.

Dunkerley J. (1990) Mexico, Central America, and the Caribbean Since 1930. *The Cambridge History of Latin America* VII, Cambridge: Cambridge University Press.

Ellner S. (2014) Social and Political Diversity and the Democratic Road to Change in Venezuela. *Latin America's Radical Left*, Lanham: Rowman and Littlefield.

Ellner S. (2018) Conflicting Currents in the Pro-Chavez Labor Movement and the Dynamics of Decision Making. *Reshaping the Political Arena in Latin America: From Resisting Neoliberalism to the Second Incorporation,*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Garay C. (2007) Social Policy and Collective Action: Unemployed Workers, Community Associations, and Protest in Argentina. *Politics & Society* 35 (2): 301–328.

Giraudy A. (2007) The Distributive Politics of Emergency Employment Programs in Argentina (1993–2002). *Latin American Research Review*: 33–55.

Hofman A. (1999) *The Economic Development of Latin America*, Northampton: Edward Elgar Publishing.

Jonas S. (2018) *The Battle for Guatemala: Rebels, Death Squads, and US Power*, New York: Routledge.

Kosacoff B. (1993) *La industria argentina: un proceso de reestructuración desarticulada*, Buenos Aires: CEPAL.

Loveman B. (1976) *Struggle in the Countryside. Politics and Rural Labor in Chile, 1919–1973*, Bloomington: Indiana University Press.

Marchesi A. (2017) *Latin America's Radical Left: Rebellion and Cold War in the Global 1960s*, Cambridge: Cambridge University Press.

Munck G. (2010) *Authoritarianism and Democratization: Soldiers and Workers in Argentina, 1976–1983*, University Park: Penn State University Press.

Paige J. (1975) *Agrarian Revolution*, New York: Simon and Schuster.

Paige J. (1998) *Coffee and Power: Revolution and the Rise of Democracy in Central America*, Cambridge: Harvard University Press.

Roberts K. (2014) *Changing Course in Latin America: Party Systems in Latin America's Neoliberal Era*, New York: Cambridge University Press.

Rojas R. (2014) The Buenos Aires Subway Strike: A Window on Post-Collapse Labor Politics. *NACLA Report on the Americas*, 47 (1): 14–19.

Rojas R. (2017) The Ebbing "Pink Tide": An Autopsy of Left-Wing Regimes in Latin America. *New Labor Forum*, 26 (2): 70–82.

Rossi F. (2017) *The Poor's Struggle for Political Incorporation: the Piquetero Movement in Argentina*, Cambridge: Cambridge University Press.

Roxborough I. (1994) The urban working class and labour movement in Latin America since 1930. *The Cambridge History of Latin America VI, Part 2*, Cambridge: Cambridge University Press.

Sader E. (2011) *The New Mole*, New York: Verso.

Salvia A., Vera J. (2013) Desigualdad y pobreza por ingresos en la Argentina 2010–2014. *Observatorio de la Deuda Social Argentina.* Buenos Aires: Universidad Católica de Argentina.

Silva E. (2009) *Challenging Neoliberalism in Latin America*, Cambridge: Cambridge University Press.

Silva E., Rossi F. (eds) (2018) *Reshaping the Political Arena in Latin America: From Resisting Neoliberalism to the Second Incorporation*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Solbrig O. (2006) *Economic History of Latin America*, Cambridge: Cambridge University Press.

Stokes S.C. (2001) *Mandates and democracy: Neoliberalism by surprise in Latin America*, Cambridge University Press.

Torre J.C. (2004) *El gigante invertebrado: los sindicatos en el gobierno, Argentina 1973–1976*, Buenos Aires: Siglo Veintiuno de Argentina Editores.

Usmani A. (2018) Democracy and the Class Struggle. *American Journal of Sociology*, 124 (3).

Webber J., Carr D.(eds) (2012). *The New Latin American left: Cracks in the Empire*, Rowman & Littlefield Publishers.

Williams R. (1985) *Export agriculture and the crisis in Central America*, Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Williams R. (1994) *States and Social Evolution: Coffee and the Rise of National Governments in Central America*, Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Wood E.J. (2000) *Forging Democracy from Below: Insurgent Transitions in South Africa and El Salvador*, Cambridge: Cambridge University Press.

Wood E.J. (2003) *Insurgent Collective Action and Civil War in El Salvador*, Cambridge: Cambridge University Press.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Рохас Р. (2018) Приливы и отливы в движении латиноамериканских левых. *Социология власти*, 30 (4): 147-206.

Rojas R. (2018) The Latin American Left's Shifting Tides. *Sociology of Power*, 30 (4): 147-206.

Поступил в редакцию: 14.11.2018; принят в печать: 15.12.2018